This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Digitized by Google

Digitized by Google

N.Y.P.L. RESEARCH LIBRARIES

Digitized by Google

Digitized by Google

737/2-5

„НОВГОРОДКИ.“

Критическій разборъ первыхъ двухъ выпусковъ Русской допетровской нумизматики Гр. Ив. Ив. Толстаго.

Д. Н. Чудовскій.

КІЕВЪ.
Типо-Литографія И. Н. Кушнерева и К°, Елисаветинская ул., д. Михельсона.
1887.

Digitized by Google

Digitized by Google

„НОВГОРОДКИ“.

Критическій разборъ первыхъ двухъ выпусковъ Русской допетровской нумизматики Гр. Ив. Ив. Толстаго.

Д. Н. Чудовскій.

КІЕВЪ.
Типо-Литографія И. Н. Кушнерева и К°, Елисаветинская ул., д. Михельсона.
1887.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
610893
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R L

Дозволено цензурою. Кіевъ, 10 августа 1887 года.

Digitized by Google

„НОВГОРОДКИ“.

Графъ Иванъ Ивановичъ Толстой сдержалъ обѣщаніе данное имъ въ 1882 году, при изданіи трудовъ о монетахъ Великаго Княжества Кіевскаго. Передъ нами новый трудъ его: „Русская допетровская нумизматика.—Выпускъ первый. Монеты Великаго Новгорода“.

Если насъ удивляли добросовѣстность труда и изъящность при изданіи Кіевскихъ монетъ, то мы должны быть поражены трудами и терпѣніемъ съ появленіемъ перваго выпуска „Русской допетровской нумизматики“.

Каждому любителю русской старины, нумизматъ-ли онъ, или просто собиратель русскихъ денегъ, должно быть извѣстно, какъ относились наши отцы науки къ Новгородскимъ монетамъ. Они почти вовсе ими не интересовались; скажемъ больше: они игнорировали ихъ. Начиная съ Черткова и оканчивая графомъ Чапскимъ, мы находимъ въ ихъ каталогахъ самое поверхностное описаніе Новгородокъ. На одной сторонѣ: сидящій князь съ мечемъ въ правой рукѣ и передъ нимъ голая человѣческая фигура, съ разными буквами въ полѣ; на другой—надпись Великаго Новгорода; вотъ и все поясненіе нашихъ учителей.—Лично я даже того убѣжденія,

Digitized by Google

что Чертковъ, Шадуаръ, Шубертъ, Рейхель и прочіе нумизматы такъ плохо описали Новгородки, не потому только, что монеты эти ихъ мало интересовали, а потому, что собранія ихъ были слишкомъ бѣдны Новгородками; у нихъ небыло матеріала для описанія и изученія этихъ монетъ. Всякое другое мнѣніе мнѣ кажется даже не возможнымъ. Интересовали же ихъ самые пустые варіанты денегъ другихъ княженій, только къ безконечнымъ, иногда весьма осязательнымъ разновидностямъ Новгородокъ, они отнеслись будто равнодушно.

Первая попытка къ болѣе подробному и удобопонятному описанію Новгородокъ была сдѣлана П. С. Савельевымъ, въ запискахъ Археологическаго Общества т. IX, стр. 188—218; но и этотъ трудъ, впрочемъ мало распространенный, блѣднѣетъ передъ предлежащимъ трудомъ графа Толстого; хотя послѣдній несомненно и воспользовался основною мыслью Савельева, при передачѣ намъ графическимъ способомъ надписей на Новгородкахъ.

Полагаю, что каждый нумизматъ, среди монетъ своей коллекціи, имѣетъ и своихъ избранниковъ. По крайней мѣрѣ со мной это было всегда такъ: пріобрѣтеніе всякой новой монеты въ коллекцію было пріятно, но пріобрѣтеніе новаго варіанта Новгородки было для меня праздникомъ. Происходило это вѣроятно отъ того, что проживая довольно долго, въ шестидесятыхъ годахъ, въ Новгородѣ и имѣя уже до 30 разновидностей монетъ Василія Темнаго, я не имѣлъ еще ни одной порядочной Новгородки; обладая потомъ уже 80 экземплярами Новгородскихъ монетъ, я тѣмъ не менѣе былъ на верху счастья

Digitized by Google

пріобрѣвъ въ 1878 году около 600 Новгородокъ. Въ то время я былъ увѣренъ, что въ мои руки попалъ не тронутый и не расхищенный кладъ; теперь я убѣдился, что это была только третья часть нѣчто цѣлаго, изъ коего около одной трети попало въ Археологическую Коммиссію, а остальное къ другому любителю русской старины.

Какъ бы то нибыло, но кладъ 1878 года былъ причиною, что я особенно занялся Новгородками; я выдѣлилъ ихъ изъ своего общаго каталога монетъ и составилъ имъ самостоятельное описаніе; у меня явилась тогда мысль издать описаніе Новгородскихъ монетъ; я составилъ свою классификацію и началъ собирать историческій матеріалъ для изданія; но въ это время появился трудъ графа Ивана Ивановича Толстаго о монетахъ Великаго Княжества Кіевскаго и я пришелъ къ заключенію, что ничего подобнаго издать не въ состояніи. У меня небыло ни денежныхъ средствъ, ни того свободнаго времени, которыми необходимо было пожертвовать для изданія, хоть маломальски подходившаго къ изданію графа Толстого.

Въ то время коллекція графовъ Толстыхъ была относительно довольно бѣдна Новгородками, и они занимали въ ней чуть-ли не то-же самое мѣсто какое Новгородки занимали въ каталогахъ Черткова, Шуберта и проч., т. е. графовъ Толстыхъ мало интересовали эти монеты. Дублетты изъ моей коллекціи Новгородокъ были предоставлены въ распоряженіе графовъ Толстыхъ. Выбиралъ для нихъ многоуважаемый Христіанъ Христіановичъ Гиль, который въ то время еще необращалъ особеннаго вни-

Digitized by Google

манія на короны, носы и число складокъ одежды князя.— Когда вопросъ былъ рѣшенъ, что графъ Толстой начнетъ свои выпуски русской допетровской нумизматики съ монетъ Великаго Новгорода, я далъ себѣ слово всѣми зависящими отъ меня средствами способствовать этому изданію, до такой степени обрадовала меня вѣсть, что завѣтная моя мечта, изданіе Новгородскихъ монетъ, наконецъ осуществится.—Коллекція моя гостила у графа Толстого болѣе года, мало того, они пожелали пріобрѣсть у меня нѣкоторыя разновидности; я уступилъ имъ до ста штукъ. Я познакомилъ Хр. Хр. Гиля съ господами Андогскимъ и Передольскимъ; отъ перваго онъ пріобрѣлъ до 50-ти штукъ превосходныхъ Новгородокъ; коллекція втораго была въ полномъ распоряженіи графа Толстого; я содѣйствовалъ имъ къ пріобрѣтенію изъ коллекціи г. Стромилова до 25 штукъ Новгородокъ; однимъ словомъ я сдѣлалъ все отъ меня зависящее, лишь-бы изданіе о Новгородкахъ узрѣло свѣтъ.

Обо всемъ этомъ я упоминаю здѣсь не для того, чтобы приписать себѣ хоть долю содѣйствія къ изданію, или участія въ этомъ превосходномъ трудѣ, но лишь для того, чтобы читатели, а также авторъ, поняли мои нижеслѣдующія строки.

На наружномъ видѣ книги нечего и останавливаться; даже лица которыя не интересуются нумизматикою восхищаются роскошью изданія; въ особенности всѣхъ удивляютъ рисунки лицевой стороны и воспроизведеніе надписей оборотной стороны. А если бы они знали о точности этихъ воспроизведеній, о томъ египетскомъ трудѣ, который понесъ

Digitized by Google

Хр. Хр. Гиль, при корректурѣ лучшаго въ Петербургѣ рѣзца на мѣди, г. Костелли, то и нашъ собратъ, капунъ нумизматъ, пришелъ бы въ изумленіе.

Приступая къ разбору содержимости труда, считаю нужнымъ оговориться: предметъ этотъ занималъ меня болѣе 30 лѣтъ, а потому, критикуя нѣкоторые выводы графа Ив. Ив. Толстого, я вмѣстѣ съ тѣмъ излагаю свои собственные, которые я напечаталъ бы и тогда, если трудъ графа Толстого вовсе не явился бы на свѣтъ. Выводы мои основаны не только на скудныхъ извѣстіяхъ Новгородскихъ лѣтописей, но и на всемъ историческомъ матеріалѣ, до сихъ поръ только извѣстномъ, относительно исторіи самобытности Новгорода. По этому, если мои строки, касаясь выводовъ автора и покажутся нѣкоторымъ рѣзкими, то предупреждаю, что они вовсе не направлены противу самолюбія молодого ученаго и не расчитаны на полемику съ его стороны, а ждутъ лишь слова отъ лицъ вполнѣ компетентныхъ въ русской исторіи вообще и въ исторіи Новгорода въ особенности.

При разборѣ труда графа Ивана Ивановича, мы будемъ строго придерживаться принятой имъ послѣдовательности, а потому и скажемъ нѣсколько словъ о порядкѣ номераціи описанныхъ монетъ.

Всѣхъ монетъ описано 1.123; изъ нихъ изображены по лицевой сторонѣ, на семи таблицахъ 413 монетъ; факсимиле надписей оборотной стороны всѣхъ описанныхъ (т. е. 1.123) монетъ находятся въ каталогѣ самаго описанія, но сверхъ того составлены двѣ таблицы изъ разновидностей этихъ надписей,

Digitized by Google

при чемъ въ обѣ таблицы вошли 524 надписи; говоря проще, всѣхъ разновидностей по лицевой сторонѣ 413, а по оборотной 524. Болѣе совершеннаго способа изображенія Новгородокъ придумать было нельзя; каждый нумизматъ можетъ найдти свой экземпляръ, какъ по лицевой, такъ и по оборотной сторонѣ, или въ состояніи опредѣлить, что находящійся у него экземпляръ не описанъ. Я намѣренно употребилъ здѣсь выраженіе нумизматъ, такъ какъ обыкновенные любители въ этомъ спеціальномъ трудѣ окажутся какъ въ лабиринтѣ. Одно, что по нашему мнѣнію излишне: это текущая номерація всѣхъ описанныхъ экземпляровъ; номерація эта не принесла пользы собранію Графовъ Толстыхъ, такъ какъ въ ней послѣдовательно пронумерованы и экземпляры не находящіеся въ ихъ коллекціи, да не принесла никакой пользы и остальнымъ любителямъ, а напротивъ еще болѣе испестрило и безъ того пестрый текстъ каталога. Полагаю, что на практикѣ, каждый нумизматъ опредѣливъ свой экземпляръ по лицевой сторонѣ, означитъ варіантъ оборотной стороны, не найденной въ каталогѣ гр. Толстого, послѣдующимъ номеромъ, т. е. опредѣливъ положимъ Л. 156, поставимъ О. 11, такъ какъ у гр. Толстого приведено только 10 оборотныхъ чекановъ; поставка же номера 420 *а* или 425 *а*, для него будетъ совершенно излишне, такъ какъ можетъ случится, что штемпель оборотной стороны не подойдетъ ни къ одному изъ описанныхъ варіантовъ надписей. Мы упомянули объ этомъ здѣсь лишь для того, чтобы воздержать графа Ивана Ивановича отъ подобной же номераціи въ послѣдующихъ выпускахъ, т. к. оно облегчитъ трудъ и удешевитъ самыя изданія.

Digitized by Google

Другое неудобство мы находимъ и въ текущей номераціи рисунковъ лицевыхъ сторонъ на таблицахъ. Таблицы VI и VII составляютъ какъ бы прибавленіе къ первымъ пяти таблицамъ, между тѣмъ номерація основныхъ таблицъ перепутана ради этихъ прибавленій. Въ виду сего автору слѣдовало-бы цитируя въ текстѣ номеръ лицевой стороны, каждый разъ приводить и номеръ таблицы, иначе изслѣдователю чрезвычайно трудно слѣдить за его рѣчью. Доказательствомъ упоминаемаго неудобства служитъ то, что и самъ авторъ сталъ путаться въ своихъ ссылкахъ на номера экземпляровъ и таблицъ, какъ напримѣръ на 23 страницѣ 15 строка сверху, гдѣ ссылка на таблицы не вѣрна.

Мы кажется не ошибаемся въ предположеніи, что авторъ болѣе всего интересовался вопросомъ объ опредѣленіи времени начала чеканки описанныхъ имъ монетъ. По нашему мнѣнію это вопросъ первой важности, такъ какъ предположенія и выводы составляютъ всю суть нумизматики, а въ особенности въ нашей отечественной, покрытою пока кромѣшною тьмою. Всѣ нумизматы и до графа Толстого были того мнѣнія, что Новгородъ началъ чеканить, пока извѣстную намъ, монету въ 1420 году. Нашелся одинъ раскольникъ: это графъ Чапскій; но и тотъ въ своемъ каталогѣ раздѣлилъ лишь Новгородки на чеканенныя во „время самобытія до 1478 года“ и на монеты чеканенныя послѣ покоренія Новгорода, съ 1478 по 1505 годъ, безъ объясненіи своихъ предположеній. На чемъ же основано это мнѣніе, даже убѣжденіе? На изрѣченіи лѣтописца, который подъ 1410 годомъ записалъ:

Digitized by Google

„начаша торговати, промежи себе лобцы и гроши литовскими и артуги нѣмецкими, а куны отложиша“ и подъ 1420 годомъ: „начаша Новгородцы торговати деньги серебрянными, а артуги попродаша нѣмцамъ; а торговали ими 9 лѣтъ“.

Вотъ и вся письменная историческая опора, на которой сооружили свое мнѣніе о времени начала чеканки Новгородцами серебрянныхъ монетъ, сперва иностранецъ Шадуаръ, потомъ Чертковъ и наконецъ графъ Толстой. Но послѣдній пошелъ дальше, онъ желаетъ насъ убѣдить въ этомъ и другими историческими соображеніями, а именно:

1. Рядомъ другихъ выписокъ изъ лѣтописей и актовъ, начиная съ 1122 года по 1471 годъ.

2. Изслѣдованіями Прозоровскаго.

3. Спискомъ кладовъ съ Новгородками.

Изъ приведенныхъ авторомъ выписокъ изъ лѣтописей и актовъ мы усматриваемъ, что до 1420 года Новгородцы употребляли при денежныхъ счетахъ слѣдующія наименованія: гривна старая, гривна старыхъ кунъ, гривна серебра, гривна, сребро или серебро, полугривна, рубль, ногата, рѣзань, вѣкша, долгѣя, бѣль или бѣлка, бѣлка коженная, куница шерстью и просто куна; послѣднее наименованіе, куна, было самое употребительное. Подъ 1410 годомъ прямо сказано: *куны отложиша*.

Въ 1420 году Новгородцы начали торговать серебрянными деньгами, а артуги продали нѣмцамъ. Затѣмъ послѣ 1420 года до 1470 года лѣтописецъ опять ведетъ счетъ на гривны, рубли, куны, мордки, вѣкши и бѣльцы и лишь подъ 1470 годомъ, въ первый разъ, встрѣчается счетъ на деньги, употребляя

Digitized by Google

это слово какъ монетную единицу, но при томъ рядомъ со счетомъ на гривны, рубли, полурубли, куны и бѣли. Въ 1471 году вмѣстѣ со счетомъ на деньги, также упоминаются куны, вѣкши и бѣли.

Изъ приведенной графомъ Толстымъ сравнительной таблицы г. Прозоровскаго, о Новгородскихъ монетныхъ единицахъ XV столѣтія видно, что куна равнялась будто двумъ деньгамъ; что Новгородка вѣсила 4 почки или 18 долей и что по этому куна должна была вѣсить 8 почекъ или 36 долей и т. д. и наконецъ что вѣсъ рубля или гривны серебра у него опредѣленъ въ 40 золотниковъ 48 долей.

Изъ списка кладовъ съ Новгородками, находка которыхъ удостовѣрена свѣдѣніями изъ дѣлъ Археологической Коммиссіи, усматривается, что такихъ находокъ извѣстно всего девять; изъ нихъ четыре находки состояли исключительно изъ Новгородокъ и псковскихъ монетъ и пять съ примѣсью монетъ московскихъ, московскихъ удѣловъ, тверскихъ и рязанскихъ. Въ двухъ случаяхъ въ находкахъ оказались Новгородскія монеты, какъ времени самобытія, такъ и времени присоединенія Новгорода къ Москвѣ.

На основаніи приведенныхъ данныхъ графъ Ив. Ив. Толстой приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ *):

1. Приведенные имъ цитаты изъ лѣтописи достаточны чтобъ видѣть, что до 1420 года названіе *„деньга“ единственно приложимое* къ описаннымъ

*) Не повторяемъ здѣсь, для краткости изложенія, подробно всѣ выводы автора, а постараемся ихъ формулировать. Дѣлаемъ эту оговорку въ тѣхъ видахъ, чтобы уклониться отъ упрековъ автора въ неточности изложенія.

Digitized by Google

имъ Новгородскимъ монетамъ, нигдѣ не употреблялось по отношенію къ Новгородской системѣ (?) (стр. 12).

2. Выкладки г. Прозоровскаго, по мнѣнію автора, убѣдительно доказываютъ, что всѣ упоминаемыя въ лѣтописяхъ цѣнности до XV столѣтія не могутъ быть смѣшиваемы съ *деньгами*, начало чеканки которыхъ относится къ 1420 году; что г. Прозоровскій выводя вѣсъ ногатъ, кунъ, мордокъ и т. д. предполагалъ существованіе собственной монеты въ Новгородѣ и до 1420 года, хотя и не отожествлялъ ея съ *деньгами;* что предположеніе г. Прозоровскаго самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергается полнымъ отсутствіемъ вещественныхъ доказательствъ существованія монетъ въ 36, 72 и т. п. долей, которыя могли-бы быть сочтены кунами, четверцами и т. п.; для нумизмата такое соображеніе достаточно вѣско чтобъ получить убѣжденіе, что монеты эти не существовали, а потому и въ виду того, что ни одна изъ упоминаемыхъ до 1420 года цѣнностей не можетъ быть отожествлена съ *деньгами* (Новгородками),—графъ Толстой считаетъ доказаннымъ, *вѣрность лѣтописнаго извѣстія*, что до 1420 года Новгородцы собственной монеты не чеканили.

3. Монеты, время чеканки которыхъ опредѣлимо и которыя найдены совмѣстно съ Новгородками, принадлежатъ къ XV вѣку, что и подтверждаетъ извѣстія лѣтописца о началѣ чеканки денегъ въ Новгородѣ тоже въ XV вѣкѣ.

Не ограничиваясь этими доводами, авторъ желаетъ этотъ странный нумизматическій фактъ объ-

Digitized by Google

яснить намъ и исторически. При этомъ гр. Толстой оговаривается, что онъ „своимъ объясненіемъ ничего *недоказываетъ,* а лишь желаетъ согласовать фактъ чрезвычайно развитой торговой дѣятельности древняго Новгорода съ фактомъ столь поздняго удовлетворенія экономической потребности въ собственныхъ мѣновыхъ знакахъ“. „Еслибъ мое объясненіе“, продолжаетъ авторъ, „показалось неубѣдительнымъ, то это не должно поколебать въ читателѣ вполнѣ осязательнаго нумизматическаго факта, что Новгородцы дѣйствительно ранѣе 1420 года собственной монеты нечеканили“.

Приведенныя авторомъ историческія объясненія, могутъ быть сведены къ слѣдующему:

1. Вѣчевое устройство Новгородскаго самоуправленія основывалось болѣе на обычаѣ, чѣмъ на положительныхъ узаконеніяхъ. *При отсутствіи писаннаго закона* и при господствѣ обычая, въ вѣче должны были обозначится сильные и слабые, почему преобладаніе въ народномъ собраніи *издавна* получила горсть людей наиболѣе вліятельныхъ, которая пользовалась послушною массою.

2. Новгородскіе бояре, въ сущности оптовые купцы, капиталисты, при вопросѣ о чеканкѣ монетъ должны были преслѣдовать то, что для нихъ было выгодно. Какъ оптовымъ торговцамъ имъ было безполѣзно заботиться о размѣнной монетѣ; напротивъ имъ было выгоднѣе скрывать истинную цѣнность товаровъ, какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ, предлагавшихся на мѣну; выпускъ размѣнной монеты могъ только способствовать развитію мелкой торговли, что было скорѣе не въ ихъ интересахъ.

Digitized by Google

Сами богачи не нуждались въ размѣнной монетѣ, такъ какъ получали все нужное изъ своихъ помѣстій. Тѣмъ не менѣе авторъ допускаетъ употребленіе Новгородцами иноземной размѣнной монеты, какъ иностранной, такъ и русской внутреннихъ областей. Этому бояре не могли помѣшать, но идти на встрѣчу *потребности,* начавъ чеканить собственную монету, себѣ въ ущербъ, имъ не было нужды.

3. Въ началѣ XV вѣка, по разсказу автора, положеніе бояръ мѣняется; крупная торговля стала мельчать, а вмѣстѣ съ нею уменьшилось и вліяніе знати на народномъ собраніи. Нужда въ мелкой размѣнной монетѣ, возникшая для власть имѣющихъ, уже болѣе не столь богатыхъ и желаніе новыхъ родовъ *угодить толпѣ,* могли быть достаточными причинами для того, чтобы послѣдовать примѣру остальной Руси, заведшейся уже почти повсемѣстно монетою собственнаго чекана. Автору кажется, что выпущенными деньгами могли быть довольны обѣ политическія партіи Новгорода - какъ сторонники Москвы, такъ и самобытники. И вотъ для удовлетворенія обоихъ партій бояре придумали такую монету: на одной сторонѣ самъ великій князь, принимающій даръ или подать, а на другой лаконическая, но гордая надпись: „*Великаго Новгорода*“.

4. Принявъ такое объясненіе отсутствія денегъ до 1420 года, самъ авторъ однако поражается, какъ это всѣ Новгородцы по ганзейскимъ извѣстіямъ очень цѣнившія иностранныя деньги, лишь въ 1410 году вдругъ порѣшили торговать лобцами и артугами, а черезъ 10 лѣтъ, также внезапно, начинаютъ чеканить собственныя деньги, перепродавъ всѣ свои

Digitized by Google

артуги нѣмцамъ. Это *недоразумѣніе* разрѣшается, если принять объясненіе автора „что подъ Новгородцами не слѣдуетъ подразумѣвать всѣхъ жителей Новгорода, а лишь купцовъ особенно крупныхъ, т. е. бояръ (торгашей) и лучшихъ людей (?): они то и могли сообразуясь съ возникшими потребностями, сперва пустить въ ходъ иностранную монету, а потомъ, сбывши ее, по невыгодности-ли ея употребленія, или по другимъ причинамъ, провести на вѣчѣ и проэктъ чеканки собственныхъ денегъ.

Какъ не убѣдительны всѣ приведенные авторомъ факты, соображенія и убѣжденія въ доказательство того, что Новгородцы начали чеканить монету именно въ 1420 году, мы не можемъ съ нимъ согласиться по слѣдующимъ основаніямъ:

1. Изъ приведенныхъ авторомъ выписокъ изъ лѣтописей и актовъ каждый легко усмотритъ и убѣдится, что до 1410 года въ Новгородѣ употреблялись для денежнаго счета различныя цѣнности, но по преимуществу счетъ велся на куны, которая во всѣхъ счетахъ играетъ роль какъ бы монетой единицы. Въ 1410 году лѣтописецъ говоритъ прямо: *куны отложиша,* не упоминая ни о какой другой монетной единицѣ, такъ какъ для современниковъ и ближайшихъ потомковъ было понятно выраженіе *куны отложиша* т. е., что въ этомъ году Новгородцы перестали торговать именно кунами и начали торговать лобцами и грошами литовскими и артугами нѣмецкими. Еслибы *куна* не была осязательною монетою, то лѣтописцу не зачѣмъ было о ней и упо-

Digitized by Google

минать, а онъ просто сказалъ бы, что въ 1410 году начали торговать иноземною монетою (вѣроятно находившеюся въ большомъ наплывѣ въ Новгородѣ) не упоминая вовсе о какой то фиктивной монетѣ называемою *куною*. За тѣмъ подъ 1420 годомъ лѣтописи сообщаютъ: „начаша Новгородцы торговати деньги серебрянными, а артуги попродаша нѣмцамъ; а торговали ими 9 лѣтъ". — Изъ этого, для насъ покрайней мѣрѣ, одно ясно, что Новгородцы бросивши временную торговлю артугами, начали опять торговать серебрянными деньгами, и что слово *деньга*, здѣсь вовсе не употреблено въ смыслѣ монетной единицы, а какъ слово собирательное, какъ мы и теперь говоримъ: золотыя деньги, мѣдныя деньги, не опредѣляя этимъ достоинство самой единицы монеты.

Самый же фактъ, что Новгородцы бросили въ 1410 году торговлю, а слѣдовательно и чеканку собственныхъ *кунъ* и начали торговать иноземною, а потомъ въ 1420 году бросивъ иноземную (вѣроятно дурную), опять начали торговать собственною серебрянною монетою, настолько разумѣется достопримѣчателенъ, что лѣтописецъ и отмѣтилъ этотъ фактъ на своихъ страницахъ. Были-ли то прежнія по названію: куны, долгѣи, бѣли или что либо иное, намъ неизвѣстно.

Затѣмъ послѣ 1420 года мы опять въ лѣтописяхъ и актахъ встрѣчаемъ денежный счетъ на тѣже гривны, рубли, *куны*, мордки, вѣкши и бѣли и лишь подъ 1470 годомъ (50 лѣтъ послѣ начала чеканки ихъ, по опредѣленію гр. Толстого) въ первый разъ встрѣчается счетъ на *деньги*, употребляя

Digitized by Google

это слово какъ монетную единицу: „взяти твоимъ приставамъ два деньги“, хотя рядомъ со счетомъ на деньги встрѣчаются еще и позднѣе: куны, вѣкши и т. п.

Графъ Ив. Ив. Толстой (на стр. 12) говоритъ: „приведенныхъ цитатъ достаточно чтобы видѣть, что до 1420 года названіе деньга, *единственно приложимое къ описаннымъ* въ настоящемъ выпускѣ монетамъ, нигдѣ не употребляется по отношенію къ Новгородской системѣ“. Мы совершенно съ нимъ согласны, что названіе *деньга* какъ монетная единица не употреблялась до 1420 года, но она не употреблялась и послѣ 1420 года, до 1470 года, а потому, слѣдуя логикѣ автора, правильнѣе было-бы принять 1470 годъ, за время начала чеканки „*Новгородокъ*“.

Почему именно авторъ описываемыя имъ монеты, времени самобытія Новгорода, называетъ *деньгами*, намъ также не совсѣмъ понятно. Мы могли бы съ нимъ безусловно согласиться только въ такомъ случаѣ, если на монетахъ самобытія Новгорода была бы хоть надпись: *деньга;* разъ этой надписи нѣтъ на монетахъ, каждый въ правѣ назвать ее: куною, долгѣю, вѣкшею и т. д., смотря по цѣлямъ и выводамъ преслѣдуемымъ авторомъ какой либо статьи.

Тѣ монеты, которые чеканились въ Новгородѣ послѣ покоренія его Москвою и имѣющія надпись: *деньга великаго князя,* или *великаго князя деньга,* не сомнѣнно деньги; хотя слово это и употреблено здѣсь въ смыслѣ *монета*; монета (деньга) великаго князя. Монеты съ надписью: *печать великаго князя,* тоже не имѣютъ опредѣленнаго наименованія и какъ бы составляютъ переходъ отъ старыхъ Новгородокъ.

Digitized by Google

Къ сожалѣнію авторъ въ первомъ своемъ выпускѣ русской допетровской нумизматики ни слова не говоритъ о происхожденіи самого слова *денга*. Вѣроятно это объясненіе послѣдуетъ въ позднѣйшихъ выпускахъ, когда авторъ дастъ намъ общій обзоръ описанныхъ имъ монетъ всѣхъ русскихъ княжествъ и удѣловъ. Но такъ какъ изданія графа Толстого безусловно должны намъ замѣнить: Черткова, Сахарова, Рейхеля, Шадуара, Шуберта, Долгорукова, Солнцева и Чапскаго, то для молодыхъ нумизматовъ, которые будутъ изучать вмѣстѣ съ выпусками графа Толстого, въ теченіи быть можетъ двадцати лѣтъ, русскую нумизматику, не мѣшало бы предпосылать нѣкоторыя, хотя бы пока краткія, объясненія русской нумизматической терминологіи.

Такъ напримѣръ каждый молодой и еще не опытный субъектъ, посвятившій себя изученію русской нумизматики, задастъ вопросъ: а что такое означаетъ слово *денга;* русское-ли оно или нѣтъ и откуда оно произошло? Далѣе тоже самое будетъ съ названіемъ *пулъ*.

У барона Шадуара на 83 страницѣ русскаго изданія, I томъ, мы находимъ слѣдующее объясненіе: „Судя объ нихъ (Татаро-Монгольскихъ монетахъ) по словопроизводству названій нашихъ (т. е. русскихъ) монетъ, татарскія должны быть: Танга (Tanga) или Денгъ (Ding) серебрянныя, и Пули (Pouli) мѣдныя. Слово Танга (Tanga, Tenga) значитъ *монета*. Такъ они называются и теперь въ Бухаріи, а въ Персіи Дангъ (Dang), въ Аравіи же Данкъ (Dank). Сіи монеты стоятъ $^1/_6$ долю вѣса называемаго Диремъ (Dirhem), или Драхмы“.

Digitized by Google

По объясненію достоуважаемаго Академика Ариста Аристовича Куника *) слово *деньга* безусловно принято русскими отъ татаръ; „послѣдніе, какъ и многое другое, позаимствовали это слово отъ Персіянъ. Нѣкоторые слово *деньга* сопоставляли слову *тамга* въ смыслѣ слова *знамя,* знака выжигаемаго животнымъ, но этому словопроизводству противорѣчатъ законы звуковъ. Арабскія монеты въ древности назывались *Даникъ,* такъ звучала арабская форма слова позаимствованнаго отъ Персовъ: „*за четверть одного Диргема*“, т. е. обыкновенной арабской серебрянной монеты. Какъ слово *Диргемъ* было передѣлано арабами изъ греческаго *Драхма* точно также они образовали изъ византійскаго φόλλις, слово *пулъ,* для означенія мѣдной монеты; Гаммеръ сообщаетъ (Исторія Золотой Орды пар. 221): „Деньга имѣла 16 мѣдныхъ монетъ (пулъ) и стоила полъкопѣйки“. Это еще можно допустить, но въ производствѣ слова *копейки,* отъ татарскаго слова *кореке* нужно усумниться; точно также какъ происхожденіе слово *корекі* (головка) ко времени Ганзеи т. е. teston, старая форма названія монеты, хотя она и названа Иванова головка. Слово φολλις тѣмъ не менѣе въ Византійскомъ языкѣ иностранное; оно соотвѣтствуетъ римскому follis и означало первоначально „кожаный мѣшокъ“, потомъ денежный мѣшокъ и уже во времена римской имперіи маленькую монету. Какъ мѣдная монета она была принята въ Византіи. Слово мѣшокъ (Beutel) употребляли прежде въ нѣмецкомъ языкѣ, когда говорили о турецкихъ деньгахъ“.

*) Въ письмѣ ко мнѣ отъ 1 февраля 1885 года.

Digitized by Google

Для насъ въ данномъ случаѣ важно то, что слово деньга татарское и означаетъ *серебрянную монету*. Новгородцы ничего общаго съ татарами не имѣли; непосредственно дань имъ не платили, а потому слово это могло проникнуть въ Новгородъ только чрезъ посредство и подъ вліяніемъ Московскаго великаго княжества. Вотъ почему слово это случайно сорвалось съ языка у лѣтописца въ 1420 году въ значеніи *серебрянной монеты*, а вошло оно въ употребленіе какъ слово означающее *монетную единицу* лишь около 1470 года, т. е. тогда, когда уже въ прочихъ русскихъ княжествахъ оно пріобрѣло полную гражданственность.

2. Приведенная гр. Толстымъ остроумная таблица г. Прозоровскаго, о Новгородскихъ монетныхъ единицахъ XV столѣтія, по нашему крайнему разумѣнію не выдерживаетъ ни какой критики. Во первыхъ она составлена по документу 1494 года, когда авторъ этого документа могъ писать лишь на память (по преданію) о томъ какъ торговали прежде Новгородцы. Во вторыхъ во всей этой таблицѣ вѣренъ лишь одинъ вѣсъ *денегъ*, несомнѣнно авторомъ опредѣленный черезъ взвѣшиваніе дошедшихъ до насъ *Новгородокъ* и выведенный имъ въ 18 долей. Всѣмъ же остальнымъ выкладкамъ вѣрить нельзя, такъ какъ вѣсъ рубля или гривны серебра опредѣленъ въ 40 золотниковъ 48 долей, между тѣмъ какъ всѣ дошедшія до насъ слитки серебра (гривенки) найденныя, какъ въ самомъ Новгородѣ, такъ и во всей Новгородской землѣ, вѣсятъ отъ 46 до 48 золотниковъ, а потому изъ гривны серебра выходило восемнадцати дольныхъ Новгородокъ не 216, какъ вывелъ г. Прозоровскій, а около 250 штукъ.

Digitized by Google

Мы даже удивляемся, какъ молодой, но ученый нумизматъ, гр. Ив. Ив. Толстой могъ воспользоваться этою таблицею. Надо полагать единственно для того, чтобы такъ или иначе подобрать необходимый для себя матеріалъ въ подтвержденіе предовзятой мысли, что *Новгородки* не чеканились до 1420 года.

3. Какъ офиціальныя свѣдѣнія о кладахъ съ Новгородками не скудны *), мы тѣмъ не менѣе позволимъ себѣ обратить вниманіе лишь на одно замѣчательное явленіе, а именно: что монеты эти найдены не только въ землѣ нынѣшней Новгородской губерніи, но на громадномъ пространствѣ, начиная съ Тверской, Ярославской, Калужской, Рязанской, Казанской и кончая Вятской губерніи. Къ этимъ скуднымъ свѣдѣніямъ о кладахъ могу прибавить съ своей стороны, что кладъ пріобрѣтенный мною въ 1878 году состоялъ исключительно изъ однѣхъ Новгородокъ, съ весьма небольшимъ, сравнительно, количествомъ Псковскихъ монетъ; въ этомъ кладѣ мною была найдена, пока единственно извѣстная Псковская деньга, съ надписью: *а се деньга Псковская*, которую я впослѣдствіи уступилъ графамъ Толстымъ. Кромѣ того могу засвидѣтельствовать, что въ числѣ Новгородокъ пріобрѣтенныхъ г. Передольскимъ (вѣроятно часть клада купленнаго мною) находились также лишь въ небольшомъ количествѣ Псковскія монеты.

*) О принятіи болѣе раціональныхъ мѣръ къ сохраненію потомству русскихъ древностей, въ томъ числѣ и находимыхъ кладовъ съ монетами, мы позволимъ себѣ побѣсѣдовать въ отдѣльной статьѣ.

Digitized by Google

Присутствіе монетъ не Новгородскихъ въ кладахъ съ Новгородками и то обстоятельство, что не Новгородскія монеты принадлежали княженіямъ XV столѣтія послужило также достаточнымъ основаніемъ автору въ подтвержденіе своего вывода, что Новгородки чеканены не ранѣе какъ въ XV столѣтіи. Мы можемъ возразить на это только одно, что Новгородцы чеканили монету до самаго своего паденія, т. е. до конца XV столѣтія, а потому не удивительно, что во всѣхъ кладахъ зарытыхъ въ XV столѣтіи, могутъ встрѣтиться и Новгородки, какъ лучшая и самая тяжеловѣсная монета того времени, а потому и охотно всѣми пріобрѣтавшаяся. Наоборотъ, клады, въ которыхъ отсутствуютъ монеты другихъ русскихъ княжествъ, какъ напримѣръ кладъ пріобрѣтенный мною, даютъ полное право предположить, что они зарыты въ то время, когда остальная Русь не чеканила еще вовсе свою монету.

Теперь перейдемъ къ разбору историческихъ объясненій автора, по поводу того, что Новгородцы ранѣе 1420 года дѣйствительно собственной монеты не чеканили. Доводы автора, у насъ формулированы въ 4 отдѣла; воизбѣжаніе повторенія одного и того же будемъ прямо разбирать доводы эти по пунктамъ.

1. Незнаемъ откуда авторъ почерпнулъ свѣдѣнія о составѣ и направленіи Новгородскаго вѣча, на которомъ горсть вліятельныхъ людей (какъ увидимъ ниже богатыхъ) могла вертѣть Новгородцами по своему произволу. Напротивъ, всѣ свѣдѣнія о вѣчахъ сообщенныхъ намъ до сихъ поръ историками какъ то: Карамзинымъ, Погодинымъ, Соловьевымъ и въ особенности Костомаровымъ, рисуютъ эти вѣчи

Digitized by Google

всегда весьма буйными, рѣшеніе на коихъ зависѣло всегда больше отъ толпы. До сихъ поръ даже не извѣстно кто имѣлъ и кто не имѣлъ права собирать вѣче. Напротивъ изъ нѣкоторыхъ отрывочныхъ свѣдѣній лѣтописцевъ видно, что иногда простой Новгородскій гражданинъ (житникъ) бросался къ Ярославову дворищу и позвонивъ въ колоколъ созывалъ вѣче для обсужденія его неотложныхъ надобностей. Потомъ мы знаемъ, что одновременно созывались вѣчи и у св. Софіи, и у Ярославова Дворища, когда житники Торговой стороны не ладили съ житниками Софійской стороны. Намъ извѣстны также послѣдствія такихъ вѣчъ; они оканчивались не рѣдко грабежами, пожарами и бросаніемъ даже и владыкъ съ моста въ Волховъ. По этому преобладаніе на вѣче горсти людей вліятельныхъ, для проведенія своихъ финансовыхъ цѣлей, не полезныхъ всему Новгороду, наврядъ-ли можетъ быть допущено, а тѣмъ болѣе какъ явленіе постоянное. Наоборотъ, надо полагать, что если необходимость въ чеканкѣ собственной размѣнной монеты была сознана народомъ, массою, толпою, житниками, то наврядъ-ли какія-бы то ни было интриги бояръ-торгашей, могли бы помѣшать осуществленію этой надобности.

Новгородцы пользовались писаннымъ закономъ уже съ 1016 года, который имъ даровалъ Ярославъ Великій; закону этому Новгородцы крѣпко держались и дополняли его по мѣрѣ требованіямъ времени. По этому, если въ частной жизни и господствовалъ обычай, то нельзя же отрицать и дѣйствія у Новгородцевъ Ярославовой правды.

2. Авторъ рисуетъ Новгородскихъ бояръ, каки-

Digitized by Google

ми-то оптовыми купцами, капиталистами, которые преслѣдовали лишь свои барыши, нисколько не заботясь о народной пользѣ, лишь-бы было имъ хорошо и выгодно. Въ доказательство своего мнѣнія о Новгородскихъ боярахъ, онъ приводитъ характеристику набросанную г. Ключевскимъ въ его сочиненіи: „Боярская Дума въ древней Руси". Ни сколько не умаляя значеніе сочиненія г. Ключевскаго, позволимъ себѣ лишь повторить здѣсь, то, что еще до г. Ключевскаго сообщилъ намъ другой историкъ о Новгородскихъ сословіяхъ, а именно Н. Костомаровъ въ его превосходномъ трудѣ: „Сѣверно-русскія народоправства во времена удѣльно-вѣчеваго уклада". С.-Петербургъ 1863 года, томъ II стр. 21—34. „И въ Новгородѣ, какъ въ остальныхъ земляхъ Руси, важное значеніе имѣло владѣніе землею; здѣсь также стоитъ на первомъ планѣ сословіе бояръ, т. е. землевладѣльцевъ. Кто владѣетъ поземельною собственностью, тотъ еетественно есть прямой участникъ управленія всею землею. Отъ этого землевладѣлецъ пріобрѣталъ преимущество предъ тѣми, кто не былъ поземельнымъ собственникомъ. Земледѣліе само по себѣ имѣетъ то свойство, что способствуетъ развитію родоваго аристократическаго начала. Отецъ передаетъ землю сыну; постоянство владѣнія въ одномъ и томъ же родѣ подкрѣпляетъ и поддерживаетъ въ этомъ родѣ сознаніе своего достоинства; землевладѣніе порождаетъ власть надъ рабочими; въ какихъ бы правахъ и отношеніяхъ ни находился рабочій къ землевладѣльцу, онъ всегда ниже послѣдняго, всегда отъ него зависитъ. Привычка властвованія, понятіе о

Digitized by Google

превосходствѣ своего происхожденія, укореняется въ дѣтяхъ и внукахъ. Поддержкѣ значенія боярскихъ семействъ въ Новгородѣ должны были способствовать брачныя союзы съ князьями Рюрикова дома, а потому боярскія семьи, породнившись съ княжескими, должны были пріобрѣтать особое значеніе въ народномъ понятіи. По мѣрѣ неизбѣжнаго вліянія землевладѣльцевъ на общественныя дѣла, достоинство боярское, не отрываясь отъ значенія землевладѣльцевъ, соединилось съ понятіемъ вліянія на дѣла; а потому бояринъ былъ вообще тотъ, кто, независимо отъ своего поземельнаго владѣнія, по уму, по ловкости и умѣнью становился въ кружкѣ народныхъ совѣтниковъ и правителей. Должностное лицо, по своей обязанности, пользуясь уваженіемъ народа, уже принадлежало къ боярскому сословію. Значеніе въ народѣ не пріобрѣталось исключительно по родовому землевладѣнію; земля въ Новгородскомъ краѣ не была главнымъ источникомъ экономическихъ силъ, и не могла доставить сама по себѣ средствъ къ возвышенію. Богатство, а вмѣстѣ съ нимъ,—при умѣ—и значеніе, пріобрѣтались и торговлею и промыслами; и такъ, въ кружокъ бояръ, людей вліятельныхъ, поступали разбогатѣвшіе купцы; да и такіе бояре, которые были по происхожденію богатыми землевладѣльцами, занимались торговлей; средствомъ къ обогащенію и возвышенію служила также война; легко могъ подыматься и становиться въ ряду вліятельныхъ людей человѣкъ военный, пріобрѣтавшій храбростію славу и добычу.—Такія лица дѣлались боярами, но все таки пріобрѣтая землю въ собственность,

Digitized by Google

боярство безъ имѣній было невозможно; потому что, еслибъ человѣкъ безземельный достигъ вліянія и значенія, то Великій Новгородъ подарилъ бы ему землю; *по тогдашнимъ понятіямъ, тотъ кто владѣлъ большимъ размѣромъ поземельной собственности въ какой нибудь Русской Землѣ, тѣмъ самымъ имѣлъ болѣе права участвовать въ дѣлахъ этой Земли.* Въ такомъ смыслѣ вліятельныхъ и богатыхъ гражданъ-землевладѣльцевъ, бояре составляли вмѣстѣ съ старыми посадниками, совѣтъ, около двухъ важнѣйшихъ правительственныхъ лицъ: посадника и тысяцкаго. Иноземцы, имѣвшіе дѣла съ Новгородомъ, называютъ ихъ господами (Herren). Какъ составлялся этотъ совѣтъ бояръ-мы не имѣемъ свѣдѣній. Знаемъ только, что бояре эти отправлялись для заключенія договоровъ, призванія князей, рядились съ князьями отъ всего Новгорода, начальствовали войсками, распоряжались постройкою городовъ. Изъ бояръ выбирали также посадниковъ и тысяцкихъ".

„Торговый классъ", пишетъ Костомаровъ, (тамъ же стр. 28) „обозначается въ Новгородѣ сословнымъ названіемъ купцовъ. Это небыло сословіе въ томъ значеніи, какъ мы привыкли понимать это слово, т. е. съ особыми гражданскими правами. Въ Новгородѣ это было занятіе доступное по праву, для всѣхъ. Изъ массы торговцевъ по достоинству, которое измѣрялось въ глазахъ народа богатствомъ и широтою торговыхъ оборотовъ, выдѣлялись гости или добрые купцы..... Торговля, важнѣйшее занятіе Новгорода, естественно дѣлала купцовъ вліятельными, значительными людьми. И они являются участниками государственныхъ дѣлъ, наприм. при заклю-

Digitized by Google

ченіи договора съ Нѣмцами въ Изборскѣ, въ 1391 году. Иногда они участвовали въ сраженіяхъ *). Купцы раздѣлялись на сотни и выбирали между собою старостъ для управленія своими торговыми дѣлами".

Изъ приведенной характеристики Новгородскихъ бояръ и купцовъ, каждый убѣдится, что между ними ничего общаго небыло. Бояринъ безусловно долженъ былъ быть богатымъ землевладѣльцемъ; при умѣ, ловкости и умѣньи, онъ выбирался въ посадники и тысяцкіе, или въ совѣтники. Бояринъ предводительствовалъ войсками и участвовалъ въ заключеніи договоровъ и призваніи князей. Онъ занимался и торговлею, но это было его побочное занятіе и не съ цѣлью наживы, а по необходимости, для сбыта произведеній своей земли, точно также какъ и теперь каждый помѣщикъ, дворянинъ, по необходимости вмѣстѣ съ тѣмъ и купецъ, въ моментъ сбыта произведеній отъ земледѣлія. Въ то время для боярина и небыло другаго исхода, такъ какъ онъ большинство своихъ земель самъ не обрабатывалъ а отдавалъ въ картому смердямъ изъ половины, трети, или четверти урожая и получая отъ испольщиковъ все натурою: зерномъ, медомъ, воскомъ, саломъ, пушнымъ товаромъ и даже рыбою, долженъ былъ озаботиться о превращеніи этихъ товаровъ въ деньги, или о пріобрѣтеніи въ замѣнъ ихъ товаровъ необходимыхъ для его личнаго обихода. Мѣнялъ-ли онъ лично свои товары на иноземные, или продавалъ ихъ мѣстнымъ купцамъ, намъ неиз-

*) Новг. лѣт. I. 71.

Digitized by Google

вѣстно; но нельзя же боярина смѣшивать съ купцами по профессіи, торговавшими ради наживы и составлявшими въ народѣ особую корпорацію, имѣвшую свое особое выборное начало.

Одно только между ними было общее: каждый вольный Новгородецъ по заслугамъ и богатству могъ попасть въ бояре, въ томъ числѣ и купецъ; и каждый вольный Новгородецъ могъ заняться торговлею, сдѣлавшись гостемъ или добрымъ купцомъ. Но смѣшивать эти два сословныхъ понятія, мы не имѣемъ ни какого права. Личности эти, бояринъ и купецъ, превосходно обрисованы въ двухъ древнихъ Новгородскихъ пѣсняхъ: объ удальцѣ Васькѣ Буслаевичѣ (бояринъ витязь) и о купцѣ Садко (богатый гость).

Разъ мы не согласны со взглядомъ автора на Новгородскихъ бояръ, какъ на оптовыхъ купцовъ-капиталистовъ, падаютъ и всѣ его разсужденія о невыгодности для нихъ заботиться о размѣнной монетѣ. Напротивъ, если смотрѣть на Новгородскихъ бояръ, какъ на крупныхъ вотчинниковъ, то имъ самимъ была скорѣе необходима размѣнная монета, чтобы возможно легче сбывать произведенія своей земли, чтобы имѣть возможность конкурировать, съ купцами по профессіи, цѣль которыхъ была дѣйствительно держать народъ въ потемкахъ относительно истинной цѣнности товаровъ, какъ русскихъ такъ и иноземныхъ. По этому, если опять допустить необходимость размѣнной монеты для нуждъ народныхъ, то бояре скорѣе поддержали бы требованіе массы на вѣче, чѣмъ шли бы, по хитросплетеннымъ эгоистическимъ соображеніямъ, противъ такого требованія. Бояре тѣмъ и пріобрѣтали вліяніе и любовь

Digitized by Google

массы, что поддерживали и проводили на вѣчѣ справедливыя и необходимыя требованія народа.

О томъ, что Новгородцы во всѣ времена любили, вѣроятно вслѣдствіе необходимости, размѣнную монету, доказываютъ намъ какъ сказанія иностранныхъ писателей, такъ и масса кладовъ находимыхъ на Новгородской землѣ, въ обширномъ смыслѣ этого слова, съ монетами куфическими, англо-саксонскими, и прочими.

Если затѣмъ народъ нетолько уже имѣлъ понятія, но и пользовался размѣнною монетою, хотя бы и иностранною, то какія соображенія, бояръ торгашей, могли воспрепятствовать этому народу завести свою собственную монету? Полагаю что намъ этого никто не объяснитъ, а напротивъ каждый согласится, что если уже разъ представлялась необходимость въ размѣнной монетѣ, естественно было чеканить свою собственную, опредѣленную, чѣмъ пачкаться всякою иностранною дрянью, которую въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ нужно было принимать, или на вѣру, или на вѣсъ.

3. Самыя большія неурядицы съ Ганзою, по милости Ливонскаго ордена, постоянно мѣшавшаго торговлѣ Новгорода, происходили въ концѣ XIV столѣтія. Въ 1391 году въ Изборскѣ между Новгородцами и союзомъ, послѣ пятилѣтнихъ распрей съ орденомъ, былъ заключенъ миръ; въ теченіи этого времени Ганза даже помышляла перевесть всю торговлю съ Русью въ Ливонію. Вѣрно и Новгородцы были слишкомъ озлоблены, такъ какъ по возвращеніи представителей Ганзы въ Новгородъ, оказалось, что нѣмецкій дворъ сожженъ до основанія, а цер-

Digitized by Google

ковь св. Петра повреждена. Споры и ссоры продолжались, и въ 1448 году снова былъ заключенъ миръ; эта была послѣдняя вражда съ Ганзою; въ 1478 году Новгородъ палъ. Изъ этого краткаго, но исторически вѣрнаго очерка можно усмотрѣть, что въ началѣ XV вѣка ни какихъ особыхъ перемѣнъ въ Новгородской торговлѣ не произошло и подтвержденія въ томъ, что торговля Новгорода именно въ это время стала мельчать, мы нигдѣ не находимъ. Поэтому не можемъ согласится и съ уменьшеніемъ, именно въ это время вліянія знати на народное собраніе, а тѣмъ болѣе съ выводомъ автора, о явившейся именно въ это время нуждѣ въ мелкой размѣнной монетѣ, проектъ чеканки которой, *новые роды*, для *желанія угодить толпѣ* провели на вѣчѣ.

Послѣдовавъ примѣру прочихъ земель русскихъ, Новгородцы будто въ 1420 году начали чеканить монету и для примиренія какихъ-то партій, на лицевой сторонѣ изобразили Великаго Князя, принимающаго подать отъ Новгородцевъ, а на другой сторонѣ выдумали гордую надпись: „Великаго Новгорода“. Объ изображеніяхъ на лицевой сторонѣ Новгородокъ мы будемъ подробно говорить ниже; здѣсь же разберемъ въ общемъ объясненіе автора, побудившее Новгородскія партіи изобразить на своихъ монетахъ Великаго Князя Московскаго.

Обратясь опять къ исторіи, мы видимъ въ 1420 году на московскомъ престолѣ Великаго Князя Василія Дмитріевича, вступившаго на оный въ 1389 году и умершаго въ 1425. Новгородцы геройски выдержавшіе въ 1386 году осаду Вел. Кн. Дмитрія Ивановича, собравшаго на Новгородъ всѣ полчища

Digitized by Google

русской земли, заплатили ему 8 тысячъ рублей, но волостей своихъ ему не отдали. Василій Дмитріевичъ вслѣдъ за вступленіемъ на престолъ потребовалъ ту же сумму, въ видѣ постояннаго чернаго бора, но Новгородцы на отрѣзъ отказались платить. Въ 1393 году началась война, раззоряли другъ у друга волости и жгли города; война окончилась ни чѣмъ. Въ 1397 году опять возникло размирье; Торжокъ и нѣкоторыя города въ Двинской землѣ, тайно передались Великому Князю. Новгородъ употреблялъ всѣ усилія, что-бы разладицу покончить миромъ, но Великій Князь уклонился; тогда всѣ Новгородцы цѣловали крестъ *за одинъ братъ* сопротивляться притязаніямъ Великаго Князя. Всѣ способные носить оружіе, отъ посадниковъ до купеческихъ дѣтей, вооружились и снарядились въ походъ. Владыка благословилъ ихъ и въ 1398 году Новгородскія ополченія двинулись въ Заволчье. Походъ этотъ окончился полною удачею; отложившіеся пригороды съ волостями были возвращены; измѣнники плѣнены и доставленные въ Новгородъ, по рѣшенію вѣча, сброшены съ моста въ Волховъ. Кромѣ того раззорены Великокняжескія земли: Бѣлозерская и Устюгъ, откуда Новгородцы привезли даже чудотворную икону Одигитріи, которую возвратили уже впослѣдствіи.

Раздоры продолжались до самой кончины Василія Дмитріевича, но во всѣхъ случаяхъ съ успѣхомъ для Новгородцевъ, которые *ни разу не уплатили ему дани*. Этотъ промежутокъ времени, можно считать лучшимъ временемъ Новгородской борьбы съ притязаніями Московскихъ Великихъ Князей.

Digitized by Google

Въ виду изложеннаго, если уже допустить, что Новгородцы и начали чеканить монету въ 1420 году, то уже ни въ какомъ случаѣ на лицевой сторонѣ своей монеты не помѣстили бы ненавистнаго имъ Великаго Князя Московскаго, да при томъ еще получающаго дань, которую Новгородцы de facto именно въ это время не платили; это была бы скорѣе насмѣшка и партія бояръ осмѣлившаяся сдѣлать подобное предложеніе вѣчу, въ то время, несомнѣнно подверглась бы участи своихъ двинскихъ собратій, т. е. полетѣла бы съ моста въ Волховъ.

Если затѣмъ допустить, что Новгородцы, по примѣру прочихъ княжествъ земли русской, начали чеканить свою монету именно въ 1420 году, то какая же она должна была быть по вѣсу?

Изъ таблицы составленной гр. И. И. Толстымъ (стр. 62 и 63) мы видимъ, что средній вѣсъ 1160 Новгородокъ, чеканеныхъ до 1478 года, составляютъ 17, 88 долей; изъ нихъ: въ I типѣ, со стоящимъ княземъ, 372 экземпляра, имѣютъ средній вѣсъ 18, 22; во II типѣ, съ сидящимъ княземъ, 788 экземпл., имѣютъ средній вѣсъ 17, 72. Средній вѣсъ чеканенныхъ послѣ 1478 года, 17, 22 доли. Средній вѣсъ почти половины экземпляровъ каждаго типа, вѣсомъ 18 долей. Наитяжелѣйшія, т. е. болѣе 18 долей, до 22 дол., приходятся на I типъ; наилегчайшія, т. е. менѣе 18 долей, до 9 долей, приходятся на II типъ. I типъ древнѣе II типа (стр. 22 и 23) съ чѣмъ и мы вполнѣ согласны. Болѣе тяжелыя экземпляры (болѣе 18 дол.) принадлежатъ ко всѣмъ возможнымъ разновидностямъ I типа, а потому вѣсъ такихъ экземпляровъ, не составляя что-

Digitized by Google

либо опредѣленнаго, долженъ быть отнесенъ къ случайностямъ, къ не совершенству производства чеканки; тоже самое можно сказать и о экземплярахъ болѣе легкихъ II типа. И такъ нормальный вѣсъ „*Новгородки*“ долженъ быть принятъ въ 18 долей.

Сколько намъ пока извѣстно, до 1420 года безспорно чеканили на Руси монету слѣдующіе князья: (при чемъ приведемъ и средній вѣсъ ихъ монетъ):

Дмитрій Ивановичъ (1362—1389) отъ 20—24 долей; средній вѣсъ 22 доли.

Василій Дмитріевичъ (1389—1425) отъ 20—22 долей; средній вѣсъ 21 доля.

Владиміръ Андреевичъ (1353—1410) отъ 21—23 долей; средній вѣсъ 22 доли.

Юрій Дмитріевичъ (1389—1434), чеканенныя, какъ полагаетъ Чертковъ, до 1425 года, отъ 20—21 доли; средній вѣсъ $20^1/_2$ долей.

Петръ Дмитріевичъ (1389—1428) отъ $19^3/_5$—21 доли; средній вѣсъ 20 долей.

Монеты приписываемыя Ѳедору Ольговичу Рязанскому (умершему до 1420 года) и Михаилу Александровичу Тверскому (1367—1399) вѣсомъ около $19^1/_2$ долей.

Средній вѣсъ монетъ Ивана Михайловича Тверскаго (1399—1426) 14 долей.

О монетахъ другихъ князей мы здѣсь не упоминаемъ, такъ какъ время чеканки ихъ пока съ точностью не опредѣлено.

Изъ этого обзора видно, что въ 1420 году средній вѣсъ ходячихъ монетъ Великаго Княжества Московскаго, съ его удѣлами, былъ почти 22 доли, а сосѣдняго съ Новгородомъ, Великаго Княжества

Digitized by Google

Тверскаго,—14 долей. Слѣдовательно вѣсъ „Новгородокъ“ не подходитъ ни подъ одинъ изъ вѣсовъ современныхъ русскихъ монетъ.

Если уже Новгородцы начали чеканить монету, въ 1420 году *по примѣру остальной Руси,* то они навѣрно позаимствовали бы у ней, для болѣе простыхъ расчетовъ, и вѣсъ, а именно Московскій, какъ болѣе могущественнаго Княжества. Разъ мы этого не видимъ, мы въ правѣ заключить, что Новгородцы начали чеканить свою монету совершенно самостоятельно, безъ всякаго примѣра, и что вѣсъ ихъ монетъ находился навѣрное въ тѣсной связи съ монетною единицею принятою у нихъ съ давнихъ временъ, т. е. какъ мы уже замѣтили это, по поводу Ярославлева серебра, какъ 1 къ 4, т. е. что у Новгородцевъ были когда то монеты и въ 72 и въ 36 долей.

4. Вмѣсто разбора четвертаго предположенія автора, мы изложимъ свое собственное предположеніе, основанное на всемъ выше нами изложенномъ:

Въ выраженіи употребленномъ лѣтописцемъ въ 1410 году *„куны отложиша“* мы усматриваемъ, что Новгородцы въ этомъ году перестали употреблять какую то монету называвшуюся куною. Взамѣнъ ее они временно употребляли иноземную монету, вѣроятно въ большомъ количествѣ у нихъ накопившуюся; перечеканить ее было вѣроятно не выгодно; но какъ они только сбыли ее сосѣдямъ, именно въ 1420 году, то опять начали чеканить собственную серебрянную монету. Послѣдняя несомнѣнно до насъ дошла. Что-жъ такое была *куна?* До насъ пока не дошла монета, на которой мы прочли бы наимено-

Digitized by Google

ваніе *куны*. Истинный вѣсъ куны намъ также до сихъ поръ, ни лѣтописями, ни изслѣдованіями, не опредѣленъ. Поэтому можно допустить, что дошедшія до насъ „*Новгородки*“, на которыхъ надписи ихъ цѣнности не имѣется, были или куны, или части куны,— или куна употреблялась какъ названіе монетной единицы, а на куну шло двѣ, три или четыре серебрянныя монеты, которыя до насъ дошли, подъ извѣстнымъ общимъ названіемъ „Новгородокъ.“ Въ послѣдствіи, при присоединеніи Новгорода къ Московскому Великому Княжеству, оставивъ временно лицевую сторону этой монеты, на оборотной дали ей московское наименованіе „деньги,“ наименованіе монеты уже установившееся въ Московіи, но такъ какъ монета новгородская, по вѣсу, не имѣла ничего общаго съ московскою, временъ Іоанна III, то тогда-же было пояснено, что деньга новгородская равняется двумъ тогдашнимъ деньгамъ московскимъ; въ строгомъ смыслѣ подобное уравненіе было не совсѣмъ точно, такъ какъ *новгородская деньга* вѣсила 17,22 долей а московскія деньги Іоанна III 8 долей.

Когда именно перестали чеканить и эту послѣднюю новгородскую монету и ввели монету общую для всего Московскаго Государства, положительныхъ свѣдѣній также нѣтъ. А потому мы должны сознаться, что не знаемъ ни начала, ни конца чеканки монетъ новгородскихъ, съ извѣстнымъ изображеніемъ на лицевой ихъ сторонѣ.

Многимъ быть можетъ покажется страннымъ, почему я такъ упорно настаиваю на томъ, что *Новгородки* чеканились ранѣе 1420 года? Объяснюсь: исторія всѣхъ народовъ намъ доказываетъ, что происходя-

Digitized by Google

Digitized by Google

[illegible]. П[illegible]

[illegible] Гро[illegible]

[illegible] *Новгород*[illegible]

не имѣет[illegible]

уна употр[illegible]

[illegible] а на куп[illegible]

[illegible]ныя монеты [illegible]

[illegible]стным обм[illegible]

[illegible]лѣдствіи. При [illegible]

[illegible]вскому Великому [illegible]

[illegible]левую сторону [illegible]

[illegible]сковское наимен[illegible]

[illegible]ты уже установлен[illegible]

[illegible]онета новгородская [illegible]

[illegible]ъ московскою. Время [illegible]

[illegible]ъяснено, что деньга новгородская [illegible]

тогдашнимъ деньгамъ московскимъ [illegible]

[illegible]слѣ подобное уравненіе [illegible]

какъ *новгородская деньга* [illegible]

[illegible]ковскія деньги Іоанна III [illegible]

Когда именно перестали [illegible]

новгородскую монету [illegible]

Московскаго Государства [illegible]

также нѣтъ. А потому [illegible]

знаемъ ни начала [illegible]

городскихъ, съ [illegible]

[illegible]цевой ихъ стороны.

Многимъ [illegible] [illegible]о-

[illegible] дре-

чему я так[illegible] [illegible]о кото-

родки [illegible] 1420 года

рі[illegible]вый разъ упо-

[illegible]и единицѣ.

Digitized by Google

щія въ нихъ особенно выдающіяся явленія, или перемѣны, были всегда вызываемы обстоятельствами ихъ внутренней жизни: всѣ историки намъ повѣствуютъ, что Новгородцы съ самыхъ древнихъ, даже до историческихъ временъ, были народъ по преимуществу торговый. Новгородцы раньше всѣхъ ознакомились съ богатствами далекаго востока, а потомъ сдѣлались посредниками торговли между востокомъ и западомъ. Изъ этого естественно, что торгуя и тѣмъ и другимъ товаромъ, они и сами были знакомы съ его употребленіемъ. Находимыя на всемъ пространствѣ новгородской земли куфическія и англо-саксонскія монеты, доказываютъ, что кромѣ мѣновой торговли, они продавали товаръ и на наличныя деньги и при томъ не только на монету крупную (слитки) но и на монету мелкую, размѣнную; послѣднюю они нерѣдко рубили еще на части (Молодинскій кладъ), а слѣдовательно имѣли потребность въ самой мелкой разменной монетѣ. Иностранные писатели повѣствуютъ намъ объ особенной любви Новгородцевъ къ деньгамъ; а какія же это были деньги? размѣнная монета, такъ какъ на западѣ уже не употреблялись слитки. Если даже допустить, что богатые Новгородцы были въ состояніи покупать полотна и сукна цѣлыми штуками, то того-же самаго не могли дѣлать простые житные люди; а такъ какъ этотъ товаръ привозился въ Новгородъ въ большихъ размѣрахъ, то уже навѣрно не для удовлетворенія только однихъ богачей; а соль? это былъ товаръ потребный для каждаго, даже бѣднаго люда, который не могъ имъ запасаться цѣлыми кадьями. Для пріобрѣтенія всего этого нужна была мелкая размѣнная монета. Не

Digitized by Google

могли точно также Новгородцы употреблять только иностранную размѣнную монету, перекладывая ее въ счетахъ на куны, ногаты, мордки и т. д. Что куны, ногаты и всѣ подобныя монетныя единицы не были кусочки шкуръ и кожи, кажется доказано. Убѣдившись такимъ образомъ въ томъ, что Новгородцы имѣли неотъемлимую необходимость въ собственной монетѣ, мы придравшись къ выраженію лѣтописца, безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій, (напротивъ стараясь всѣми силами поддержать его неясное изрѣченіе) порѣшили, что Новгородцы до 1420 г. своей размѣнной монеты не имѣли и имѣть ее не могли. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Новгородѣ, наравнѣ съ иноземною, вращались и монеты Великороссійскія, какъ только ее тамъ начали чеканить; между тѣмъ до сихъ поръ на Новгородской землѣ не открыты клады съ русскими монетами конца XIV столѣтія, а напротивъ открыты клады, какъ и мой, состоящіе изъ однихъ Новгородокъ и Псковскихъ; этотъ фактъ несомнѣнно доказываетъ, что Новгородки эти зарыты до начала чеканки остальною Русью собственной монеты. И такъ мы того твердаго убѣжденія, что дошедшія до насъ Новгородки, въ массѣ ихъ разновидностей, старая новгородская размѣнная монета: вѣроятнѣе всего часть куны. Если допустить, что наличныя Новгородки, часть куны, то изслѣдователи нашей старины тщетно не отыскивая другихъ монетъ, попытались-бы, принявъ ихъ за основаніе монетной единицы, объяснить намъ счетъ нашихъ древнихъ новгородскихъ монетныхъ системъ, по которымъ Новгородцы вели свой счетъ и до 1420 года и послѣ него, до 1470 года, когда первый разъ упоминается о *деньгѣ* какъ о монетной единицѣ.

Digitized by Google

Подобную попытку уже сдѣлалъ Костомаровъ, въ своихъ вышеупомянутыхъ трудахъ, часть II стр. 242—244, гдѣ онъ между прочимъ пишетъ: „Есть извѣстіе, что въ Новгородѣ семь гривенъ кунъ равнялись одной гривнѣ серебра*). Если положить гривну въ 25 кунъ, то значитъ въ гривнѣ серебра было приблизительно 175, слѣдовательно въ гривнѣ кунъ отъ $5^1/_7$ до $6^3/_7$ золотниковъ, а въ каждой кунѣ около 13 граммовъ;—такія монеты дѣйствительно и попадаются. Мелкой монеты отдаленной древности не найдено, но есть мелкія монеты новгородскія уже XIV и XV вѣка.“

Подтвержденіе моего предположенія, что дошедшія до насъ Новгородки чеканились раньше 1420 года, можно найти и въ сказаніи лѣтописи.

На стр. 17, Графъ И. И. Толстой приводитъ выписку изъ 4-ой лѣтописи, подъ 1447 годомъ: „того лѣта (6955) начаша людіе денги хулити сребряныя, даже и вси Новгородци другъ на друга смотря, и бысть межи ими голка и мятежь и нелюбовь; и посадникъ и тысяцкій и весь Новгородъ уставиша 5 денежниковъ *и начаша переливати старыя деньги, а новыя ковати въ туже мѣру на 4 почки таковыже,* а отъ дѣла отъ гривны по полуденгѣ; и бысть крестьяномъ скорбъ велика и убытокъ въ городи и по волостемъ.... Того же лѣта Новгородци охулиша сребро, рубли старыи и новыи, а сребро передѣлаша на денги, а у денежниковъ поимаша посулы“..... Графъ И. И. Толстой этому извѣстію даетъ совершенно второстепенное значеніе. Онъ видитъ въ немъ лишь сказаніе о безпорядкахъ

*) Bunge III, 3. 271.

Digitized by Google

вызванныхъ неправильностью въ денежномъ дѣлѣ и вслѣдствіе того упорядоченіе чеканки денегъ: *установленіемъ* вѣса ихъ и назначеніемъ пяти опредѣленныхъ денежниковъ.

Разбирая это извѣстіе ближе мы видимъ, что люди стали хулить *серебрянныя деньги,* (опять въ смыслѣ собирательномъ, а не монетной единицы) и начали переливать *старыя деньги*, а новыя ковали въ туже мѣру на 4 почки; какія же это были старыя деньги, которыя Новгородцы такъ хулили? Если по опредѣленію автора, описанныя въ его изданіи Новгородки, начали чеканить въ 1420 году, то въ 1447 году они небыли еще старыми, да притомъ изъ всѣхъ описанныхъ имъ монетъ ни одна по виду своему, вѣсу и качеству металла, не вызываетъ даже въ насъ, изслѣдователяхъ этихъ монетъ, сомнѣнія въ ихъ доброкачественности. Слѣдовательно были же серебрянныя деньги, вызвавшія хулу Новгородцевъ, названныхъ лѣтописцемъ прямо *старыми.* Попадаются между описанными Новгородками экземпляры съ безобразными надписями и уродливымъ изображеніемъ лицевой стороны; но по вѣсу они какъ разъ въ 4 почки и даже немного больше, а металлъ качествомъ нисколько не отличается отъ прочихъ. Въ такомъ случаѣ нужно допустить, что *старыя деньги* находившіеся въ такомъ большомъ количествѣ въ обращеніи, что даже вызвали народную бурю, всѣ послѣ 1447 года перелиты и дошедшія до насъ, всѣ чеканки послѣ 1447 года; такой выводъ будетъ тогда логиченъ и годъ начала чеканки дошедшихъ до насъ Новгородокъ будетъ не 1420 а 1447 годъ. Новыя монеты ковали *въ ту же мѣру*

Digitized by Google

на 4 почки; слѣдовательно вѣсъ ихъ былъ опредѣленъ уже временемъ и на основаніи именно этого выраженія лѣтописца *въ ту же мѣру* надо полагать, что монеты вызвавшія народную бурю были легче закономъ опредѣленныхъ. Вѣроятно только такія то легкія монеты и переливались, а тянувшія опредѣленный вѣсъ изъ обращенія не были изъяты. Мнѣ нерѣдко попадались обрѣзанныя Новгородки, въ видѣ рыбки; даже и теперь есть еще одна въ моемъ собраніи вѣсящая 9 долей; я предполагалъ, что монеты эти намѣренно обрѣзаны, что-бы уравнять ихъ въ вѣсѣ съ Московскими деньгами; а можетъ быть эти Новгородки обрѣзаны и во время самобытія и такія и тому подобныя воровскія продѣлки и вызвали народную бурю 1447 года. Но этого мало; Новгородцы охулили и серебро (опять въ смыслѣ собирательномъ) старые и новые рубли, и передѣлали ихъ на деньги (т. е. на мелкую монету) и денежники были уличены въ мошенничествѣ (посулы). Видно, что мошенничество было развито въ большихъ рмзмѣрахъ. Такіе литые, маловѣсные рубли были находимы въ Новгородѣ; и въ настоящее время ихъ хранится нѣсколько штукъ въ Императорскомъ Эрмитажѣ, вызвавшіе даже мнѣніе о новѣйшей ихъ поддѣлкѣ. Вѣроятно съ литіемъ новыхъ рублей (маловѣсныхъ) обрѣзывали и старые и вотъ тогда то именно на мѣстѣ переруба ихъ, начали ставить клеймы. Весьма естественно, что перечеканка маловѣсныхъ рублей и монетъ, была убыточна для народа, который вмѣсто обращавшагося у него номинальнаго рубля получалъ только часть его, размѣнною монетою. Установили 5 денежниковъ, какъ разъ

Digitized by Google

по одному на каждый изъ концовъ Новгорода. Но объ этомъ послѣ.

Графъ И. И. Толстой описываетъ видъ лицевой стороны Новгородокъ такъ: „двѣ фигуры изъ которыхъ одной приданы атрибуты власти, какъ то: корона, мечъ и своеобразная длинная одежда; другая, очевидно представленная безъ одежды, нагою, изображена въ *просительной* позѣ съ согнутыми колѣнами и спиною и съ протянутыми руками“.

Герберштейнъ, описывая Новгородки, объяснялъ ихъ такъ: „Фигура князя на сѣдалищѣ *) (sessel), а передъ нимъ наклонившаяся (neigenden) стоячая человѣческая фигура“.

Шадуаръ описываетъ лицевую сторону такъ: „князь въ вѣнцѣ, сидящій на престолѣ, обращенный вправо; держитъ въ правой рукѣ мечъ, а лѣвую подаетъ стоящему передъ нимъ въ покорномъ видѣ человѣку“.

Наши отечественные нумизматы обыкновенно описывали лицевую сторону Новгородокъ такъ: „князь на престолѣ, въ шапкѣ или вѣнцѣ, правою рукою держитъ мечъ, лѣвую протянулъ къ стоящему (или сидящему) передъ нимъ человѣку“. (Чертковъ, стр. 144, № 286.)

Въ такомъ же родѣ описываетъ лицевую сторону и Графъ Э. К. Чапскій (стр. 48, № 203).

И такъ, какъ иностранные писатели, такъ и наши отечественные признали изображеніе съ короною

---

*) Вѣроятно въ его время, Новгородки со стоящимъ Княземъ, уже не находились въ обращеніи.

Digitized by Google

за князя. Признаетъ это и Гр. Толстой, но онъ возбудилъ вопросъ: какой именно изображенъ князь: Новгородскій, Тверской или Московскій *Великій Князь* и пришелъ къ окончательному заключенію, что на Новгородкахъ изображенъ именно Великій Князь Московскій.

Въ подтвержденіе своего убѣжденія онъ приводитъ слѣдующія три соображенія:

1. Внѣшній видъ фигуры (князя?) вполнѣ соотвѣтствуетъ изображеніямъ Великаго Князя на московскихъ деньгахъ.

2. Тотъ же типъ сохраненъ на деньгахъ чеканенныхъ послѣ покоренія Новгорода Московскимъ Государемъ, что̀ едва-ли было бы допущено, еслибъ занимающей насъ фигурой изображали ранѣе кого-либо другого, кромѣ „вотчинника“ Великаго Новгорода.

3. Ко времени чеканки монеты въ Новгородѣ служилыхъ князей было нѣсколько и ихъ положеніе и значеніе не были таковы, чтобы было мыслимо допустить помѣщеніе ихъ изображеній на деньгахъ.

Разберемъ эти соображенія по пунктамъ:

1. О какихъ деньгахъ Московскихъ Великихъ Князей съ соотвѣтствующими изображеніями Новгородкамъ упоминаетъ здѣсь авторъ, онъ намъ не объяснилъ, но среди монетъ Московскихъ, съ его удѣлами до 1420 года, намъ до сихъ поръ не извѣстна ни одна монета, имѣющая хотя бы какое-либо сходство съ изображеніемъ князя на Новгородскихъ монетахъ. Не подразумѣвалъ-же авторъ въ данномъ случаѣ монеты Великаго Князя Васи-

Digitized by Google

лія Васильевича Темнаго, на которыхъ мы дѣйствительно встрѣчаемъ изображеніе Великаго Князя на престолѣ, но и эти изображенія не имѣютъ никакого сходства съ Новгородскимъ Княземъ, исключая развѣ приведенныхъ имъ на таблицѣ VII, A, B, C, и D, но о нихъ онъ самъ говоритъ на стр. 21, что они не сомнѣнныя копіи съ Новгородокъ. И такъ это соображеніе автора не выдерживаетъ никакой критики.

2. Что типъ Новгородскихъ монетъ сохраненъ и на деньгахъ чеканенныхъ вслѣдъ за покореніемъ Новгорода Вел. Кн. Іоанномъ III Васильевичемъ, тоже совершенно исторически объяснимо. Іоаннъ III покоряя Новгородъ шелъ осторожными, политически расчитанными шагами. Рѣшившись въ 1471 году покончить съ Новгородомъ, онъ казнилъ часть бояръ, приверженцевъ Казимира, другихъ отправилъ въ ссылку въ Москву, но главную виновницу смутъ, Марѳу Борецкую не тронулъ. Взявъ съ просившихъ пощады 15.000 рублей копѣйныхъ, онъ возвратился въ Москву. Въ 1475 году онъ пріѣхалъ въ Новгородъ творить судъ и расправу; въ этотъ разъ онъ опять казнилъ нѣсколько бояръ, а другихъ отправилъ въ Москву, въ томъ числѣ и сына Марѳы Борецкой-Ѳедора. Смуты начались съ новою силою, опять заговорили о Казимирѣ и тогда въ 1478 году Іоаннъ дѣйствительно покончилъ съ Новгородомъ, но не оружіемъ, а голодомъ и моромъ. Въ этотъ послѣдній разъ, онъ въ числѣ многихъ Новгородскихъ бояръ и боярскихъ дѣтей отправилъ въ Москву и Марѳу Борецкую съ внукомъ.

Іоаннъ III могъ покончить съ Новгородомъ ра-

Digitized by Google

зомъ въ 1471 году, все было на его сторонѣ и успѣхи оружія и послушная поддержка Псковичей и Тверичей; даже прекрасная сухая весна и лѣто благопріятстволи его походу; но онъ неторопился; онъ желалъ извести въ конецъ Новгородъ собственною неурядицею и его внутренними крамолами и ябедою.

Такая личность, какъ Іоаннъ III навѣрное необратилъ ни какого вниманія на внѣшній видъ чеканившихся въ Новгородѣ монетъ. Разъ на нихъ исчезла ненавистная надпись „Великаго Новгорода", *) и замѣнилась надписью доказывающею покорность и послушаніе Новгородцевъ, ему рѣшительно было все равно какой на этой монетѣ былъ изображенъ князь, великій или простой, а когда сынъ его покончилъ и съ Псковомъ, то въ обоихъ городахъ начали чеканить монету съ изображеніемъ Московскаго всадника и съ надписью „Осподарь всея Руси".

3. Если даже допустить, что начало чеканки описанныхъ авторомъ монетъ 1420 годъ, то Новгородцы именно въ эгомъ году уже навѣрное не помѣстили бы на своихъ монетахъ Великаго Князя Московскаго. Все царствованіе Василія Дмитріевича, было лучшею эпохою борьбы Новгорода съ Москвою; въ теченіи всего этого царствованія Новгородъ удачно воевалъ съ Москвою, игнорировалъ всѣ ся требованія и не разу не уплатилъ поминокъ Ве-

*) Хотя на полуполушкахъ чеканенныхъ по примѣру Московскихъ и несомнѣнно въ царствованіе Іоанна III, опять встрѣчается надпись „Великаго Новгорода" а не просто: Новгородская, какъ на Тверскихъ и Московскихъ полуполушкахъ того-же типа.

Digitized by Google

ликому Князю, не смотря на всѣ его назойливыя требованія. По этому Новгородцы въ эту эпоху уже навѣрное не изобразили-бы на своихъ монетахъ Великаго Князя Московскаго, власть котораго не признавали, а тѣмъ болѣе не изобразили-бы себя въ просительной позѣ, даръ приносящіе, такъ какъ они въ это время de facto ничего не дарили и не платили Великому Князю. Ко всему этому мы должны прибавить, что на лицевой сторонѣ Новгородокъ не всегда изображалась и фигура князя, по крайней мѣрѣ въ такомъ видѣ, какъ это описалъ авторъ т. е. человѣкъ въ коронѣ, съ мечемъ и въ одеждѣ со складками. На трехъ экземплярахъ описанныхъ подъ №№ 171, 239 и 230 и изображенныхъ на таблицахъ III и VI мы видимъ совершенно другое изображеніе, не имѣющею ничего общаго съ княжескою: фигура замѣняющая князя: безъ короны и меча, въ совершенно отличной одеждѣ и сидитъ на скамейкѣ особаго вида. Но объ этой фигурѣ будемъ говорить ниже.

За тѣмъ авторъ формулируетъ свои соображенія такъ: „Думаю что этихъ трехъ соображеній болѣе чѣмъ достаточно, чтобъ получить убѣжденіе, что на лицевой сторонѣ монетъ Великаго Новгорода, времени его самобытности, было вычеканено изображеніе Московскаго Великаго Князя *со стоящимъ передъ нимъ въ просительной позѣ человѣкомъ.* Человѣкъ этотъ неизмѣнно представленъ былъ безъ всякихъ признаковъ одежды, очевидно голымъ; это сдѣлано безъ сомнѣнія, съ умысломъ, чтобы указать на несравненно низшее положеніе этого лица по отношенію къ другому; на нѣкоторыхъ штемпеляхъ

Digitized by Google

голый проситель держитъ какой то предметъ въ рукахъ, на другихъ онъ протягиваетъ руки по направленію къ Великому Князю снизу вверхъ,-жесть означающій повидимому просьбу. Въ этомъ изображеніи бросается въ глаза его аллегоричность, такъ какъ безъ натяжки можно предположить, *что нагой фигурой олицетворяется самъ вольный Новгородъ, съ волостью, признающій свою зависимость отъ Великаго Князя*".

Далѣе авторъ, при описаніи самыхъ монетъ, человѣка стоящаго передъ великимъ княземъ въ просительной позѣ, называетъ уже просто *просителемъ*, а предметъ, который онъ держитъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ рукахъ, даромъ. И такъ по объясненію Гр. Ив. Ив. Толстого на лицевой сторонѣ Новгородокъ изображены: Великій Князь Московскій передъ которымъ въ видѣ униженной (просительской) фигурѣ самъ Великій Новгородъ, приподносящій ему даръ (вѣроятно поминки, черный боръ и т. п.).

Нечего сказать оригинальный типъ придумали Новгородцы для лицевой стороны своихъ монетъ; тутъ и Великій Князь Московкій, власть котораго они ненавидѣли и самъ вольный Новгородъ въ какой-то подлой позѣ просителя. Хоть бы авторъ пощадилъ слухъ молодыхъ нумизматовъ и не навязалъ бы имъ такое прозвище Великаго Новгорода, какъ *просителя*, напоминающее намъ, старымъ служакамъ, министерскія пріемныя да переднія; хоть не придумывалъ бы онъ собственнаго прозвища, а послѣдовалъ бы уже иностранцамъ Герберштейну да Шадуару и назвалъ бы эту несчастную голую

Digitized by Google

фигуру, изображающую Великій Новгородъ, наклонившеюся или покорною и создалъ бы новое существительное въ родѣ *„кланятеля“*, но не оскорблялъ-бы слухъ нашъ прозвищемъ *„просителя“*.

Мы выше доказывали, что находящаяся на лицевой сторонѣ Новгородокъ фигура въ коронѣ, съ мечемъ и въ длинномъ платьѣ, не можетъ быть Великій Князь Московскій. Теперь выразимся опредѣленнѣе: мы твердо убѣждены, что на Новгородкахъ изображенъ Князь Новгородскій и что голая передъ нимъ фигура дѣйствительно изображаетъ аллегорическую фигуру Великаго Новгорода, но не въ позѣ униженной просительской, а въ позѣ вѣжливо-наклонившейся, приглашающая Князя на Новгородское княженіе и вручающая ему для сего что то, а что именно: мы увидимъ изъ слѣдующаго краткаго историческаго очерка.

Новгородцы призвали первыхъ русскихъ князей. Новгородцы впослѣдствіи выбрали себѣ и князя Владиміра (Святого); онъ покорилъ ихъ и послѣ себя назначилъ имъ Княземъ сына Ярослава. Ярославъ, въ благодарность за добытіе ему Кіевскаго престола, возвратилъ имъ старую независимость, самоуправленіе, самосудъ и свободу выбора князей. Правомъ дарованнымъ Новгородцамъ этою великою хартіею они дорожили и пользовались свободно до самаго паденія. Пользуясь правомъ выбора князей, Новгородцы всегда давали преимущество родовитымъ, а въ особенности тѣмъ, отцы которыхъ правили ими; по этому Новгородцы преимущественно выбирали старшихъ сыновей Великихъ Князей, такъ какъ послѣдніе раньше правили ими.

Digitized by Google

Это продолжалось до 1095 года; въ этомъ году Новгородцы выбрали себѣ совершенно самостоятельнаго Князя Ростовскаго, Мстислава, а предназначенному имъ Князю Смоленскому, Давиду, сказали: „не ходи къ намъ; воротись и сиди въ Смоленскѣ“.

Съ этого времени Новгородцы смѣло проявляли сознаніе права избирать себѣ князей и изгонять ихъ. Тѣмъ не менѣе въ видахъ политическихъ, а въ особенности торговыхъ, они выбирали себѣ князей изъ тѣхъ родовъ, которые на Руси, во время междоусобицы, брали верхъ; такъ они послѣдовательно выбирали себѣ князей изъ рода Великихъ Князей Кіевскихъ Мономаховичей, и Ольговичей, потомъ изъ рода Великихъ Князей Суздальскихъ и Владимірскихъ, до Александра Ярославовича (Невскаго). Выбирая себѣ князей изъ того или другого болѣе сильнаго рода, они вмѣстѣ съ тѣмъ, до владычества татаръ надъ Русью, принимали участіе и установляли рядъ межъ князей земли русской.

Въ 1235 году Новгородцы выбрали себѣ Княземъ Александра, въ послѣдствіи славнаго Невскаго героя, который и оставался у нихъ до 1252 года, когда получилъ княжество Владимірское, оставивъ имъ сына своего Василія, какъ своего намѣстника. Въ 1255 году Новгородцы прогнали Василія и выбрали себѣ брата Александрова-Ярослава. Александръ поднялъ на нихъ рать и въѣхалъ въ Новгородъ, какъ Князь Новгородскій, воевалъ съ Новгородцами Шведовъ и Чудь, предводительствуя, какъ мѣстный Князь ихъ ополченіями и послѣ славныхъ побѣдъ уѣхалъ изъ города, оставивъ имъ опять сына Василія, какъ подручника. Александръ распо-

Digitized by Google

ряжался съ Новгородцами такъ деспотически, какъ ни одинъ Князь до него позволить себѣ этого не могъ, потому что Новгородцы были ему слишкомъ много обязаны, да вслучаѣ непослушанія Александръ привелъ-бы на нихъ татарскія полчища. Новгородцы не были покорены татарами; но по настоянію Александра должны были раздѣлить участь всей земли русской и платили съ сего времени, черезъ Великаго Князя татарамъ часть выхода. Александръ до конца жизни (1262 года) непосредственно управлялъ Новгородомъ и уѣзжая изъ него оставлялъ тамъ въ качествѣ подручника своихъ сыновей Василія, а потомъ Дмитрія. Какъ только умеръ Алексанръ, Новгородцы забыли его заслуги, и не медленно прогнавъ сына его Дмитрія, выбрали себѣ опять брата Алексанра-Ярослава. Въ 1269 году Новгородцы не поладили съ Ярославомъ, судили и прогнали его. Ярославъ хотѣлъ овладѣть Новгородомъ чрезъ посредство татаръ, но Новгородцевъ защитилъ передъ ханомъ Князь Василій Ярославичъ. Въ 1270 году Ярославъ прибылъ въ Русу и сталъ проситься въ Новгородъ на полной его волѣ, но Новгородцы не сдались и сознавъ, *что могутъ оставаться и совсѣмъ безъ Князя*, отвѣтили ему: „у насъ Князя нѣтути, но Богъ и правда и Святая Софія; а тебя не хочемъ“ *). Новгородцы дружно ополчились отъ мала до велика, что-бы отстоять свою самобытность. Тогда вмѣшался въ дѣло Митрополитъ и примирилъ Новгородцевъ съ Ярославомъ, который поцѣловалъ крестъ *на всей ихъ волѣ*. Съ

Нов. лѣт. I. 62.

Digitized by Google

этого времени Ярославъ, оставаясь Великимъ Княземъ вмѣстѣ съ тѣмъ удерживалъ Княжескую власть въ Новгородѣ; но такъ какъ онъ самъ не жилъ тамъ постоянно, то оставлялъ вмѣсто себя намѣстника на Городище. Съ этого времени вошелъ обычай, что Князь Великій, вмѣстѣ съ тѣмъ считался и Княземъ Новгородскимъ, а отъ него на Городищѣ жилъ намѣстникъ, но съ этого же времени, кромѣ Великаго Князя, Новгородцы имѣли еще князей, иногда по нѣсколько, которые приглашались при извѣстныхъ условіяхъ, получали отъ Новгорода въ кормленіе волости, предводительствовали Новгородскими войсками, но не сажались на столъ. Такимъ образомъ, говоря въ строгомъ смыслѣ, Новгородцы оставались безъ Князей; кто въ ордѣ выхлопочетъ себѣ Великое Княжество, тотъ считался и княземъ Новгородскимъ; иногда случалось что Новгородцы, во время распрей между князьями въ ордѣ,—и незнали кто у нихъ Князь и принимали то того, то другого. Не видя у себя постояннаго Князя, Новгородъ привыкъ къ управленію *безъ Князя*; обходясь безъ него, онъ сталъ смотрѣть на Великаго Князя, считавшагося Новгородскимъ Княземъ, какъ на внѣшнее бремя, тяготѣющимъ надъ Новгородскимъ краемъ. Тѣмъ не менѣе Новгородцы отъ своего права избирать себѣ Князей ни когда не отказывались и когда притязанія Великихъ Князей переходили границы, Новгородцы пользовались своимъ правомъ и выбирали себѣ особыхъ Князей. Такъ, въ 1333 году, во время распрей съ Великимъ Княземъ Московскимъ Иваномъ Даниловичемъ, они призвали сына Гедимина, Наримунта Глѣба и поса-

Digitized by Google

дили его на Ярославовъ престолъ. Въ 1383 году, во время неудовольствій съ Великимъ Княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ, Новгородцы опять призвали къ себѣ литовскаго Князя Патрикія сына Наримунта. Вмѣсто Патрикія, оказавшагося плохимъ предводителемъ войскъ, призвали въ 1389 году литовскаго Князя Симеона Ольгердовича, который пробылъ въ Новгородѣ до 1392 года. Съ этого времени Новгородъ сдѣлался убѣжищемъ многихъ князей преслѣдуемыхъ Московскими Великими Князьями, давая имъ волости свои въ кормленье. Въ 1419 году Новгородъ не побоялся дать, опальному брату Великаго Князя, Константину убѣжище, который жилъ тамъ два года, пока не помирился съ братомъ. При Великомъ Князѣ Василіѣ Васильевичѣ Новгородъ давалъ убѣжище князьямъ всякой проигравшей сторонѣ. Въ 1434 году самъ Великій Князь, низложенный съ престола, нашелъ пріютъ въ Новгородѣ, но въ томъ же году былъ принятъ и врагъ его, Василій Косой. Василій Васильевичъ получивъ обратно княженіе, заключилъ съ Новгородцами вѣчный миръ, *и отступился добровольно отъ всѣхъ дѣдовскихъ и отцовскихъ притязаній.* Но Великій Князь, по обычаю предковъ, не сохранилъ мира. Впослѣдствіи Новгородцы дали дважды пріютъ у себя смертельному врагу Василія, Дмитрію Шемякѣ, который жилъ до смерти въ Новгородѣ, въ 1453 году, и похороненъ въ Юрьевомъ монастырѣ. Великій Князь Василій Васильевичъ своими несправедливыми поступками и постоянными задорами до такой степени раздражилъ Новгородцевъ, что въ 1460 году, когда онъ навѣстилъ Новгородъ съ

Digitized by Google

двумя своими сыновьями Юрьемъ и Андреемъ, составился заговоръ убить ихъ. Только владыка Іона уговорилъ заговорщиковъ оставить свое намѣреніе, указавъ на то, что останется въ живыхъ третій сынъ Иванъ, который сдѣлается мстителемъ за отца и братьевъ.

Изъ дошедшихъ до насъ договоровъ XIII, XIV и XV вѣковъ о призваніи Новгородомъ Князей для правленія и кормленія видно, что права и обязанности Князей опредѣлялись въ слѣдующемъ: Князя приглашали всегда избранною вѣчемъ депутаціею, состоящею изъ посадника (старого или служилаго), тысяцкаго и нѣсколькихъ именитыхъ бояръ и лучшихъ жилыхъ людей. Иногда къ депутаціи присоединялись и купцы. Депутація отправлялась всегда съ поминками (дарами) и съ условіями впередъ составленными вѣчемъ. Если Князь соглашался, онъ подтверждалъ согласіе крестнымъ цѣлованіемъ; въ свою очередь тоже самое дѣлали и выборные.

По пріѣздѣ въ Новгородъ Князь подтверждалъ свое согласіе княжить на предложенныхъ ему вѣчемъ условіяхъ и подтверждалъ это вновь крестнымъ цѣлованіемъ, въ присутствіи владыки, въ Софійскомъ соборѣ; послѣ этого онъ съ почетомъ сажался на столъ въ Ярославовомъ дворищѣ, куда впослѣдствіи прибывалъ только для суда; тутъ же и висѣлъ вѣчевой колоколъ. Постоянное пребываніе Князя, а въ послѣдствіи и ихъ намѣстники, имѣли на городищѣ, со всею своею дружиною (свитою). Главная

Digitized by Google

обязанность Князя была предводительствовать Новгородскими полчищами. Новгородскія волости были раскинуты отъ Балтійскаго моря, черезъ Двинскую землю (Заволочье) до Камы, а потому имъ приходилось постоянно бороться съ сосѣдями и охранять свои земли. Вотъ почему такіе боевые Князья, какъ Мстиславъ Храбрый, Мстиславъ Удалый и Александръ Невскій, пріобрѣли особую любовь и уваженіе народную.

Вторая обязанность Князя была творить судъ. Хотя собственно судъ творили выборныя судьи, но въ присутствіи Посадника и Князя, а послѣдній приводилъ приговоръ суда въ исполненіе (казнилъ). Права Князя были всегда строго предусмотрѣны. При прибытіи въ Новгородъ онъ получалъ обыкновенно „даръ съ волости". За твореніе суда онъ получалъ опредѣленную часть пени и вири. Ему отводились волости для кормленія и мѣсто для охоты и рыбной ловли. Князья, какъ и дружинники его, не имѣли права пріобрѣтать въ Новгородскихъ владѣніяхъ ни земель, ни рабовъ. Продѣлки въ этомъ родѣ Великихъ Князей Суздальскихъ, Тверскихъ и Московскихъ служили постоянными предлогами къ ссорамъ, распрямъ и войнамъ. Князь могъ заниматься и торговлею, но не иначе какъ чрезъ посредство купцовъ Новгородскихъ.

Не нравилось все это призванному Князю, онъ могъ во всякое время уйти изъ Новгорода, но долженъ былъ только явиться на вѣче и сложить съ себя крестное цѣлованіе.

Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго, мы того убѣжденія, что на дошедшихъ до насъ Новгород-

Digitized by Google

скихъ монетахъ, на лицевой сторонѣ Новгородцы изобразили дорогое по памяти для нихъ право, свободнаго выбора себѣ Князя. На лѣвой сторонѣ выбираемый Князь, которому символическая фигура Великаго Новгорода вручаетъ власть. Власть эта на нѣкоторыхъ монетахъ изображена въ видѣ овала—щита; символа защиты и воинственности, вручаемаго Князю для обороны Новгорода отъ враговъ; на другихъ въ видѣ свитка, договорная грамота; на третихъ въ видѣ точекъ, круглыхъ пластинокъ, монетъ, условленной пени и вири, наконецъ на четвертыхъ власть вручается символически, подачею другъ другу рукъ. Все это на большинствѣ извѣстныхъ намъ монетахъ сопровождается или крестомъ между фигурами, или крестами позади ихъ, ясно выражающіе крестное цѣлованіе обоюдно данное. Объ остальныхъ знакахъ мы будемъ говорить ниже.

Подобнымъ образомъ намъ описалъ Новгородки Н. Костомаровъ, въ своемъ трудѣ „Сѣверно-Русскія Народоправства, томъ II, стр. 244“: „онѣ, т. е. Новгородки, величиною въ гривеникъ, на одной сторонѣ изображеніе Князя сидящаго съ мечемъ въ рукѣ, а передъ нимъ стоящій человѣкъ подаетъ ему свитокъ; на иныхъ между ними крестъ; на нѣкоторыхъ встрѣчаются еще прибавленія, буква С, или три точки надъ головою Князя, или два обручика за подающимъ свитокъ. По всей окрайнѣ кругомъ точки. На другой сторонѣ надпись: Великаго Новгорода. Можно догадываться, что человѣкъ, подающій Князю свитокъ, есть символическое изображеніе Новгорода, подающаго князю договорную грамоту“. Такъ описалъ намъ Новгородки не нумиз-

Digitized by Google

матъ, а историкъ, спеціально занимавшійся изученіемъ жизни и исторіи Великаго Новгорода, который на основаніи исторіи этой земли и не могъ прійдти къ другому объясненію лицевой стороны Новгородокъ, какъ къ тому, которое онъ намъ предлагаетъ.

Далѣе авторъ признаетъ типъ Новгородокъ оригинальнымъ явленіемъ въ русской нумизматикѣ, но не предрѣшаетъ его самостоятельность, относительно западной нумизматики, т. е. говоря опредѣленнѣе, авторъ допускаетъ возможность позаимствованія этого типа съ монетъ иностранныхъ. Попытки въ этомъ родѣ, какъ предложенныя Рейхелемъ, т. е. что оргиналомъ для Новгородокъ служила рѣдкая монета Богемскаго Короля Владислава I (1140—1175), авторъ находитъ не удачными, въ виду громадной разницы со времени чеканки монетъ обоихъ государствъ. Поэтому авторъ приходитъ къ такому заключенію: „Не смотря на всѣ мои старанья, мнѣ не удалось найти оргиналовъ его; а потому пока не *посчастливится* кому нибудь открыть таковые. слѣдуетъ считать Новгородскій типъ оргинальнымъ“.

Что касается насъ, то мы и не будемъ искать оригинала между иностранными монетами, предоставивъ это тѣмъ охотникамъ, которые вообще не признаютъ ничего самостоятельнаго въ русской жизни и ея издѣліяхъ. Коснулись мы этого вопроса только потому, что если слѣдовать предположеніямъ, Рейхеля и т. п. нумизматамъ, то хотя съ натяжкою, но мы всегда найдемъ какое либо сходство изображеній на нашихъ монетахъ съ иностранными, такъ напримѣръ на Псковскихъ: погрудное изображеніе князя

Digitized by Google

въ шапкѣ съ мечемъ, имѣетъ нѣкоторое сходство съ изображеніемъ епископа на Дерптскихъ монетахъ, а потому Псковскіе денежники будто скопировали это изображеніе съ послѣднихъ, давъ лишь Князю въ руку мечъ. Если слѣдовать этой теоріи, то мы дойдемъ до слѣдующаго абсурда: на многихъ монетахъ Московскихъ и удѣльныхъ конца XIV-го и начала XV-го вѣка, встрѣчаются на оборотной сторонѣ надписи татарскія или искаженныя татарскія, не сомнѣнныя копіи съ монетъ золотой орды; если за тѣмъ будемъ искать, то и найдемъ сходство лицевой стороны съ какою либо западною монетою; изъ этого выйдетъ: что наши средневѣковыя монеты представляютъ работу: смѣсь иностраннаго съ татарскимъ. Въ виду этого казалось-бы лучше совершенно отказаться отъ теоріи предложенной Рейхелемъ въ сороковыхъ годахъ и видѣть въ типахъ нашихъ русскихъ монетъ самостоятельныя произведенія, истекавшія изъ нашей собственной исторической жизни.

Классификація принятая Гр. Толстымъ, при раздѣленіи Новгородокъ на типы почти одинаковая съ классификаціею принятою мною уже много лѣтъ тому назадъ, но лишь съ слѣдующими измѣненіями:

Я дѣлю Новгородки временъ самобытности на 3 главные типа:

1. Со стоящимъ Княземъ.
2. Со сидящимъ Княземъ и
3. Съ сидящею фигурою, вмѣсто Князя (№ 171, 229 и 230 у Толстаго).

Digitized by Google

Затѣмъ первый типъ у меня дѣлится на два отдѣла, по надписямъ оборотной стороны.

I. Отдѣлъ съ обыкновенною надписью.

II. Отдѣлъ съ надписью, между строкъ которыхъ горизонтальныя точки въ 1, 2 и 3 ряда.

Замѣтимъ, что между надписями 1-го типа никогда не встрѣчается крестъ такой формы, какъ между надписями 2-го типа.

Второй типъ я дѣлю на III отдѣла по надписямъ оборотной стороны:

I. Отдѣлъ съ обыкновенными надписями.

II. Отдѣлъ съ надписями раздѣленными горизонтальными точками и

III. Отдѣлъ съ надписями раздѣленными крестами.

Третій типъ состоитъ изъ одного отдѣла, точно также какъ и всѣ монеты чеканенныя послѣ 1478 года отнесены мною къ четвертому типу.

При дѣленіи отдѣловъ на разновидности, я принималъ тѣ-же признаки какъ и Гр. Толстой, т. е. форму вручаемаго Князю, различные знаки, и буквы въ порядкѣ алфавита. Въ послѣднемъ случаѣ, я не дѣлю разновидности по числу буквъ на лицевой сторонѣ, а принявъ одну изъ нихъ за главную (типичную) отношу къ нимъ и всѣ монеты съ второстепенными буквами.

Быть можетъ классификація Графа Ив. Ив. Толстого имѣетъ за собою преимущество ученаго дѣленія; за то на сторонѣ моей классификаціи практичность.

Всѣ монеты 1 типа съ надписью раздѣленною построчно точками попадаются гораздо рѣже другихъ

Digitized by Google

обыкновенныхъ Новгородокъ и подобныя надписи встрѣчаются пока только на монетахъ на которыхъ фигура вручаетъ князю щитъ, по этому для легкости нахожденія я выдѣлилъ ихъ въ особый отдѣлъ.

Точно также монеты съ тождественною надписью на второмъ типѣ встрѣчаются еще рѣже; у Толстого №№ $\frac{181}{2}$, $\frac{301}{1}$, $\frac{349}{1}$, $\frac{378}{2 \text{ и } 4}$ и $\frac{381}{1}$, и составляютъ какъ-бы исключеніе изъ всѣхъ монетъ этого типа. Монеты второго типа, съ крестомъ раздѣляющимъ надпись, настолько типичны для каждаго собирателя, что смѣшивать ихъ съ другими монетами этого типа невозможно. Если мы прослѣдимъ ихъ по каталогу, составленному Гр. Толстымъ, то и въ такомъ случаѣ замѣтимъ, что онѣ рѣзко выдѣляются изъ общей массы. Такъ въ отдѣлѣ первомъ, безъ буквъ въ полѣ лицевой стороны, крестъ встрѣчается въ надписяхъ на № 157, 158 и 163; но самъ авторъ замѣчаетъ, что буквы **С** и **О**, находившіяся первоначально на штемпелѣ № 157 уничтожены въ самомъ штемпелѣ; тоже можно сказать о № 158, а на штепелѣ, изготовленномъ для № 163, первоначально безъ буквъ, впослѣдствіи они вырѣзаны. Тоже самое можно замѣтить и о № 176, 177, 178 и 181, на которыхъ между фигурами крестъ, а потомъ уже прирѣзаны другіе знаки и буквы.

Если внимательно разсмотрѣть лицевую сторону монетъ, отъ № 198 до 206, съ буквою **Д** на лицевой сторонѣ, то легко замѣтить, что монеты съ этою буквою между головами, № 198—204, имѣютъ весьма мало общаго съ №№ 205 и 206. Первыя весьма отличной работы отъ вторыхъ.

Digitized by Google

Затѣмъ на штемпеляхъ съ буквами на лицевой сторонѣ: **А, Б, В, Є, З, И, Л, Н, О, П, С, Ѣ, ВП, ВЛ, ЕН,** и **НЕ,** крестъ между надписью, или совсѣмъ не встрѣчается, или составляетъ рѣдкое исключеніе, какъ на № 257, 300, $\frac{301}{3}$ и 302; при томъ самъ авторъ опять высказываетъ предположеніе о намѣренномъ измѣненіи штемпеля № 257. На оборотѣ, на всѣхъ монетахъ съ буквами: **ОД, ОО, ОС, СД, СО, СДО** и **СОО** на оборотной сторонѣ надпись почти исключительно раздѣлена крестомъ; исключенія составляютъ: № $\frac{328}{1}$, $\frac{338}{1}$, $\frac{342}{1}$, $\frac{342}{2}$, $\frac{343}{1}$, $\frac{349}{2}$, 351, 352, 362, $\frac{376}{1}$ и $\frac{378}{1}$, т. е. изъ 158 описанныхъ монетъ только 11. Если затѣмъ мы внимательно разсмотримъ лицевую сторону (т. е. фигуры) всѣхъ монетъ, на которыхъ на оборотной сторонѣ крестъ, то найдемъ между ними такъ много общаго, что по неволѣ отнесешъ ихъ всѣ, не только къ дѣлу одного денежнаго двора, но даже къ рѣзцу одного мастера.

Третій типъ, отнесееный авторомъ къ монетамъ своего второго типа, на столько характеристиченъ, что заслуживаетъ особаго разбора.

На всѣхъ остальныхъ монетахъ мы видимъ фигуру съ короною, въ правой рукѣ съ мечемъ. стоящую или сидящую въ креслѣ; фигуру эту мы признали за князя; рѣдкія исключенія, когда онъ безъ короны или меча, мы относимъ къ небрежности рѣзчиковъ. На трехъ монетахъ: №№ 171, 229 и 230, мы видимъ фигуру безъ короны, въ какой то повязкѣ, безъ меча, въ совершенно отличной отъ прочихъ

Digitized by Google

одеждѣ и сидящую на низкой скамейкѣ. Уже по однимъ этимъ признакамъ они заслуживаютъ быть отнесенными къ особому типу. Оборотная сторона на всѣхъ одинакова. Какая же это изображена фигура? Вопросъ этотъ интересовалъ уже нумизматовъ конца 50 годовъ. Монеты эти очень рѣдки и были прежде въ вѣтринѣ Эрмитажа положены на красную бумагу. Нѣкоторые видѣли въ этой фигурѣ женщину въ кокошникѣ, въ длинномъ платьѣ съ поясомъ, сидящую не на престолѣ (столѣ), а на скамьѣ и принимающую отъ Новгорода въ свою правую руку участь его и видѣли при томъ въ этомъ изображенiи Марѳу Борецкую (посадницу) заправлявшую судьбами Новгорода въ тяжелыя годины съ 1471 года по 1478 годъ. Что кому либо изъ денежниковъ преданныхъ Марѳѣ, могла явиться фантазiя изобразить ее вмѣсто князя на монетахъ, можетъ показаться и не удивительнымъ. Лакiеръ, Русская Геральдика, часть I, на таблицѣ XVI, рис. 6., приводитъ печать на которой изображена на креслѣ женская фигура въ повязкѣ съ поясомъ, держащая въ лѣвой рукѣ опущенное копье, а правая рука откинута назадъ, передъ нею маленькая наклонившаяся, какъ бы умоляющая фигура; поле украшено цвѣточными стеблями, съ надписью: **ВЕЛIКИ НОВЪ ГОРОДЪ**. Гдѣ хранится эта печать намъ неизвѣстно, но авторъ ссылается на „Memoires de la Societé d' Acheologie T. I. p. 365. Koehne's Zeitschrift für Münz—Siegel und Wappenkunde. B. VI, Tf. VII, № 12. Описывая эту печать Лакiеръ на стр. 155 задается также вопросомъ: „не Марѳа-ли это посадница?“

Digitized by Google

Другіе видѣли въ изображеніи этихъ монетъ тоже князя, но только Литовскаго (Казимира) призывавшагося на княженіе въ 1471 году, а потому и отлично изображеннаго отъ прежнихъ русскихъ князей; оба эти предположенія останутся разумѣется на всегда предположеніями, но въ подтвержденіе перваго предположенія могу сказать слѣдующее: въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, отъ главнаго входа съ площади, на лѣвой крайней аркѣ изображена жизнь преподобнаго Зосима; между прочимъ изображенъ и извѣстный пиръ у Марѳы Борецкой, на которомъ Св. Зосимъ видѣлъ приближенныхъ ей бояръ безъ головъ, почему ни чего ни ѣлъ и плакалъ. Изображена и Марѳа Борецкая, въ костюмѣ весьма похожемъ съ фигурами на трехъ описанныхъ монетахъ. Образъ этотъ кажется конца XVI вѣка.

Передаемъ это какъ дополняющее фантазію предположеніе о Марѳѣ Борецкой и повторяемъ, что монеты эти, какъ совершенно особенныя по наружности и въ виду возбуждаемаго историческаго интересса, составляютъ особенный типъ.

Относительно значенія точекъ, знаковъ и буквъ на лицевой сторонѣ Новгородокъ, авторъ высказалъ предположеніе: „что ими обозначались серіи вычеканенныхъ монетъ, или что либо подобное въ видахъ контроля, который несомнѣнно существовалъ, что доказывается извѣстіемъ лѣтописи 1447 годомъ“.

Вполнѣ соглашаясь съ этимъ предположеніемъ, мы съ своей стороны его дополнимъ, и именно также на основаніи извѣстія лѣтописи подъ 1447 годомъ.

Digitized by Google

Народныя смуты по случаю дурного чекана монетъ вызвали установленіе опредѣленнаго числа денежниковъ и именно 5, по числу концовъ (частей) въ Новгородѣ. Надъ этими денежниками безъ сомнѣнія былъ учрежденъ контроль; а для обезпеченія себя отъ участи подобной постигшей въ 1447 году Ѳедора Жеребца, денежники должны были прибѣгнуть къ какимъ-либо осязательнымъ и видимымъ признакамъ, въ доказательство того, что извѣстная монета чеканилась именно у нихъ. Быть можетъ для этого были установлены даже вѣчемъ какіе либо обязательные знаки, а можетъ быть и каждый денежникъ выбиралъ ихъ самъ, но во всякомъ случаѣ нижеслѣдующее совпаденіе буквъ на монетахъ съ названіемъ концовъ и мѣстъ въ Новгородѣ, достойно вниманія. Новгородъ дѣлился на 5 концовъ; на торговой сторонѣ ихъ было два: Плотницкій и Словенскій; на Софійской сторонѣ три: Людинъ, Неревскій и Загородный; кромѣ того на Софійской сторонѣ ближайшая часть города около дѣтинца носила названіе Околотка.

Новгородки съ буквами П и С между головами фигуръ встрѣчаются чаще другихъ и при томъ почти безъ сопровожденія другихъ буквъ; рѣдкія исключенія составляютъ №№ 306 по 308, да при томъ и эти монеты по сходству чекана съ прочими П даютъ намъ право предполагать, что они издѣлія одного мастера. Мы предполагаемъ, что буква П, есть марка денежника Плотницкаго конца, а С марка денежника Словенскаго конца.

На торговой сторонѣ жилъ весь торговый и мастеровой людъ, а слѣдовательно и потребность

Digitized by Google

въ размѣнной монетѣ была здѣсь сильнѣе, чѣмъ на Софійской сторонѣ; вотъ почему монеты съ марками **П** и **С** встрѣчаются гораздо чаще другихъ.

За тѣмъ чаще другихъ попадаются еще монеты съ буквами **О**, **Л**, **Д** и **Н** (**И** мы принимаемъ также за **Н**). Буквы **Л** и **Н** можно принять за марки денежниковъ Людинскаго и Неревскаго концовъ Софійской сторонѣ. Буква **З**, на монетахъ втораго типа совсѣмъ не встрѣчается, почему мы полагаемъ, что въ Загородномъ концѣ, болѣе удаленномъ отъ центра города и по преимуществу населеннаго иноземцами, совсѣмъ не было денежнаго мастера и такой могъ быть около дѣтинца въ Околоткѣ; тогда легко объяснить всю встрѣчающуюся массу монетъ съ маркою **О**, сопровождаемая весьма часто и другими буквами, въ особенности съ **С** и **Д**. Быть можетъ на Софійской сторонѣ было только два денежника, а на Торговой, нуждавшейся въ большемъ числѣ мастеровъ, было три денежника. Тогда буква **О** и **Д** могутъ быть объяснены опять двумя предположеніями. На Торговой сторонѣ, съ самыхъ древнихъ временъ, были вѣсы, какъ для взвѣшиванія товаровъ, такъ и слитковъ серебра при церкви Іоанна на *Опокахъ*. Въ пользу этой церкви за взвѣшиваніе взималась даже опредѣленная пошлина. Быть можетъ послѣ 1447 года здѣсь былъ учрежденъ и денежникъ, который по прозвищу мѣста „на Опокахъ“, и взялъ себѣ марку **О**. Наконецъ могъ быть временно учрежденъ и четвертый денежникъ на Торговой сторонѣ и именно на *Дворищѣ*, т. е. на Ярославовомъ дворѣ, гдѣ былъ и вѣчевой колоколъ; этотъ денежникъ могъ взять себѣ за марку букву **Д**.

Digitized by Google

Предположеніе наше отчасти подтверждается и наличнымъ матеріаломъ. Всѣ монеты отдѣльно съ буквами между головами **П, С, О, Л** и **Д** и съ буквою **Н** сзади фигуръ имѣютъ каждая такъ много общаго, характернаго, между собою, по работѣ и виду, что ихъ трудно даже смѣшать между собою.

Затѣмъ къ рѣзкимъ отличіямъ между монетами I и II типа надо отнести и совершенное отсутствіе на первыхъ буквъ, т. к. знаки находящіеся на № 101—103 съ большою натянутостью можно отнести къ очертанію буквъ, а потому мы полагаемъ, что монеты втораго типа съ сидячимъ княземъ и съ марками на лицевой сторонѣ, суть монеты новѣйшія и начало ихъ чекана надо отнести именно къ 1447 году; при чемъ денежники продолжали употреблять сохранившіеся штемпеля оборотной стороны отъ монетъ перваго типа.

Что касается до объясненія остальныхъ знаковъ, находящихся на лицевой сторонѣ, то мы полагаемъ, что знаки вродѣ глаза, цвѣтковъ, кружковъ (подобіе монетъ) и находящіеся исключительно сзади фигуры Князя, суть украшенія относящіяся именно къ этой фигурѣ. О крестахъ мы говорили уже раньше, какъ о знакѣ, выражающемъ обоюдное крестное цѣлованіе. Остальныя буквы, встрѣчающіяся совмѣстно съ марками денежныхъ дворовъ вѣроятно обозначаютъ имя или прозвище денежника. Буква **Ѣ** будто находящаяся на № 305, требуетъ еще новыхъ палеографическихъ изслѣдованій; не есть-ли это дѣйствительно буква **Б.**— Точно также буква **Є**, находящаяся между головами фигуръ на экземплярахъ № 207 и 208, сомнитель-

Digitized by Google

ная. Первоначально и я былъ того мнѣнія, что это именно буква Є, но сравнивъ теперь свои экземпляры съ этимъ знакомъ, въ совокупности со всѣмъ матеріаломъ даннымъ намъ Гр. И. И. Толстымъ, я долженъ сознаться, что принимаю эту букву за С, у которой случайно произошелъ въ штемпелѣ маленькій изъянъ, какъ разъ на серединѣ, дающій этой буквѣ видъ Є. Если-же эту букву сравнить съ несомнѣнно находящимися Є и Э на экземплярахъ № 310—325, то мы убѣдимся, что они ничего общаго между собою не имѣютъ.

Денежники были обыкновенно вмѣстѣ съ тѣмъ и серебренныхъ дѣлъ мастера (ливцы). Безъ сомнѣнія мастера на своихъ издѣліяхъ клали марки или вытѣсняли свои фамиліи. Я слышалъ, что въ Псковѣ встрѣчались церковные сосуды съ фамиліею „Заманинъ". Нѣтъ сомнѣнія, что и въ Новгородской землѣ сохранились еще древніе церковные сосуды. Изученіе клеймъ на этихъ сосудахъ должны пролить большой свѣтъ при разгадкѣ буквъ встрѣчаемыхъ на Новгородскихъ монетахъ.

Упомяну здѣсь о весьма замѣчательныхъ памятникахъ старины. Въ Бѣлозерскѣ, при дѣлахъ упраздненнаго Земскаго Суда хранились до 1865 года двѣ пластинки: одна свинцовая, величиною около двухъ вершковъ, шириною въ $^1/_2$ вершка, съ вытѣсненными на ней клеймами, встрѣчаемыми исключительно на копѣйкахъ Царя Іоанна IV. Другая состояла собственно изъ четырехъ пластинокъ одѣтыхъ на колечко; верхъ каждой пластинки состоялъ изъ чистаго золота, а низъ изъ красной мѣди различной величины; на каждой пластинкѣ были различныя

Digitized by Google

цифры и разные годы славянскаго письма, если неошибаюсь, съ 1700 года начиная. По догадкамъ тогдашнихъ Новгородскихъ археологовъ, первая пластинка была разослана, власть держащимъ, для ознакомленія съ клеймами на монетахъ находящихся въ обращеніи, съ цѣлью отличить ихъ, или отъ воровскихъ денегъ, или отъ монетъ въ казну болѣе непринимаемыхъ. Вторая серія пластинокъ, были наглядныя пробы золота, т. е. опредѣленіе количества мѣди, заключающейся въ золотыхъ монетахъ или вещахъ. Оба эти памятника старины были взяты на память тогдашнимъ вице-губернаторомъ О. Ѳ. Оттъ и куда потомъ дѣлись неизвѣстно.

Послѣ описанія монетъ относящихся къ несомнѣнной эпохѣ самобытности Новгорода, авторъ помѣстилъ „полушки“ и какъ онъ объясняетъ въ текстѣ, потому, что на нихъ имѣется надпись „Великаго Новгорода“.

Монеты эти не имѣютъ ничего общаго съ монетами самобытности Новгорода, какъ по наружному своему виду, такъ и по вѣсу. По наружному виду они принадлежатъ несомнѣнно къ эпохѣ послѣ покоренія Новгорода Іоанномъ III. и совершенно тождественны по лицевой сторонѣ съ монетами Московскими имѣющими на оборотной сторонѣ надпись: „Государь“ и Тверскими и Псковскими имѣющими на оборотной сторонѣ надпись: „Тверская“ и „Псковская“. Вѣсъ ихъ также неимѣетъ ничего общаго съ монетами Великаго Новгорода, а скорѣе всего подходитъ къ вѣсу Московскихъ денегъ Іоанна III и

Digitized by Google

составляетъ почти половину такихъ денегъ, а въ отношеніи Новгородокъ скорѣе одну пятую часть ихъ вѣса.

Имѣющаяся на нихъ надпись: „Великаго Новгорода“, доказываетъ лишь какъ мало обращалъ Іоаннъ III вниманія, даже послѣ покоренія Новгорода, на самое прозвище „Великаго“. Было сдѣлано распоряженіе о чеканкѣ монетъ въ половину вѣса Московскихъ тоже въ Твери, Псковѣ и Новгородѣ и вотъ денежники послѣдняго помѣстили на нихъ названіе не „Новгородская“, что было-бы и короче и подходящее къ названіямъ сосѣднихъ дворовъ, а прописали полностью: „Великаго Новгорода“.

Въ виду сего полагаю, что было-бы болѣе подходящимъ помѣстить ихъ за описаніемъ монетъ чеканенныхъ въ Новгородѣ послѣ 1478 года, а затѣмъ уже и пулы. Нѣтъ сомнѣнія, что Новгородъ во время своей самобытности не чеканилъ пулы. По крайней мѣрѣ въ Новгородскихъ лѣтописяхъ мы нигдѣ не встрѣчаемъ счетъ на пулы, а наружный видъ ихъ по тождественности, съ Московскими пулами (№№ 388 и 389, сирена и двухглавый орелъ) прямо указываетъ на эпоху ихъ чеканки.

№ 385, мѣдная пластинка имѣющая на лицевой сторонѣ и оборотной изображенія встрѣчающіяся на серебрянныхъ монетахъ Великаго Новгорода, по нашему мнѣнію скорѣе современная воровская монета, но ни какъ не пулъ. Если Новгородцы во время своей самобытности имѣли бы надобность въ чеканкѣ пулъ, то для этого у нихъ имѣлись подъ рукою образцы сосѣдняго княжества Тверскаго, въ

Digitized by Google

которомъ уже въ то время находилось въ обращеніи масса мѣдныхъ монетъ съ названіемъ „пулъ“.

Въ концѣ описанія Новгородскихъ монетъ, гр. И. И. Толстой помѣстилъ три мѣдныя монеты (назвавъ ихъ въ заглавіи „пулы“) у которыхъ на лицевой сторонѣ изображеніе птицы направо съ распущенными крыльями, а на оборотной надпись: *князя великаго*. Поводомъ къ отнесенію этихъ монетъ къ Новгородскимъ, послужила надпись на оборотной сторонѣ: „очень схожей, какъ по смыслу такъ и по формѣ буквъ, съ находящимися на оборотной сторонѣ монетъ, чеканенныхъ послѣ 1478 года“.

Въ концѣ описанія № 413, авторъ сдѣлалъ примѣчаніе, какъ бы въ подтвержденіе своей догадки: „экземпляръ Д. Н. Чудовскаго, найденъ въ Новгородѣ при копаніи земли въ огородѣ“.

Все это совершенно справедливо, но тѣмъ не менѣе я не могу согласиться, съ выводами автора, по слѣдующимъ основаніямъ:

1. Птица изображенная на лицевой сторонѣ этихъ монетъ не имѣетъ ничего общаго съ изображеніями встрѣчающимися на извѣстныхъ намъ до сихъ поръ монетахъ Новгородскихъ и наоборотъ имѣетъ громадное сходство съ изображеніями встрѣчаемыми на массѣ пулъ Тверскихъ. Кромѣ того птица эта почти тождественна съ изображеніемъ такой же птицы на серебрянныхъ монетахъ Новоторжскихъ. (Чертк. № 311, XIX. 3).

2. Вѣсъ ихъ 21 доля, также подходитъ къ среднему вѣсу нѣкоторыхъ пулъ самобытности Твери и не имѣетъ ничего общаго съ вѣсомъ, около 10 долей, Новгородскихъ пулъ. Пулы эти могли быть

Digitized by Google

отчеканены только послѣ покоренія Новгорода, т. е. въ то время когда чеканились пулы по образцу Московскихъ, №№ 386—389, а потому нельзя допустить, такую разницу въ вѣсѣ однородныхъ монетъ и одновременно отчеканенныхъ.

3. Буквы въ надписяхъ на оборотной сторонѣ дѣйствительно имѣютъ большое сходство съ буквами въ надписяхъ на серебрянныхъ монетахъ Новгорода, чеканенныхъ послѣ его самобытности, но буквы эти имѣютъ также сходство и съ буквами на серебрянныхъ монетахъ Новоторжскихъ.

4. Моя монета $\frac{413}{1}$ дѣйствительно найдена въ Новгородѣ; но и большинство Тверскихъ пулъ моей коллекціи также найдены въ Новгородѣ.

Въ виду изложенныхъ основаній, я полагаю, что эта мѣдная монета не Новгородская, а по виду лицевой стороны и вѣсу ея, скорѣе пулъ города Новаго Торга, половина котораго принадлежала Новгороду, а другая Тверскому княжеству.

Въ заключеніе нашего критическаго обзора труда о монетахъ Великаго Новгорода, считаемъ необходимымъ подробнѣе остановиться на затронутомъ авторомъ вопросѣ объ опредѣленіи рѣдкости русскихъ монетъ вообще и Новгородскихъ въ особенности.

Графъ И. И. Толстой на стр. 59 своего труда, приписывая Хр. Хр. Гилю и мнѣ опредѣленіе рѣдкости изданныхъ имъ Новгородскихъ монетъ, оговаривается, что опредѣленіе рѣдкости монетъ подобныхъ Новгородкамъ, о которыхъ не имѣется

Digitized by Google

ни какихъ документальныхъ данныхъ, *со стороны собирателя всегда крайне субъективно:* собиратель считаетъ монету рѣдкою не столько потому, что ему извѣстно мало экземпляровъ ея, сколько потому, что она возбудила въ немъ какой-либо интересъ. Развивая свои сужденія на эту тэму, авторъ находитъ болѣе правильнымъ замѣнить слово „рѣдкая" монета, словомъ „*интересная*" и не дѣлаетъ это лишь потому, что первый терминъ болѣе употребителенъ въ нумизматикѣ и опредѣленнѣе.

Съ такимъ возрѣніемъ автора на опредѣленіе рѣдкости русскихъ монетъ, я, какъ нумизматъ практикъ, согласиться не могу. Меня, какъ выше упомянуто, въ теченіи 30 лѣтъ постоянно интересовали Новгородскія монеты, но это не мѣшало мнѣ различать вообще между русскими монетами болѣе рѣдкія и отличіе это выразилось у меня въ совершенно опредѣленной формѣ, по мѣрѣ знакомства моего съ коллекторами разбросанными по обширному нашему отечеству.

Разумѣется опредѣленіе рѣдкости монетъ эпохи послѣ Петра I, гораздо легче для собирателя, чѣмъ опредѣленіе рѣдкости монетъ чеканеныхъ на Руси до него; хотя и въ новѣйшей эпохѣ, т. е. послѣ петровской, именно о монетахъ признаваемыхъ нами рѣдкими, документальныхъ данныхъ большею частью также вовсе не имѣется.

Передъ нами новое замѣчательное изданіе по русской нумизматикѣ, это: „описаніе и изображеніе нѣкоторыхъ рѣдкихъ монетъ собранія Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Георгія Михайловича. О роскоши этого изданія мы не будемъ

Digitized by Google

здѣсь останавливаться; подобный подарокъ русской нумизматикѣ могъ сдѣлать только Великій Князь.

Въ это изданіе вошли 44 рѣдкія русскія монеты послѣ Петровской эпохи, но безъ опредѣленія степени ихъ рѣдкости. Тѣмъ не менѣе каждый нумизматъ, даже при поверхностномъ разсмотрѣніи однѣхъ таблицъ не затруднится опредѣлить изъ нихъ рѣдчайшія. Ихъ всего двѣ: а именно: № 12, три копѣйки 1727 года и № 25 деньга 1762 года. Спросятъ почему? я отвѣчу совершенно опредѣленно: потому, что это единственные до сихъ поръ извѣстные намъ экземпляры и при томъ единственные представители въ своемъ родѣ. Намъ возразятъ, что №№ 2, 9 и другіе экземпляры тоже единственно извѣстные экземпляры; да это правда; но они не представляютъ для насъ *научнаго интереса*, потому, что среди полуполтинниковъ 1701 года и полтинниковъ 1726 года мы имѣемъ нѣсколько представителей, а №№ 12 и 25 не только единственные экземпляры, но и единственные представители своего рода. Явятся-ли еще два, три такихъ же экземпляра (въ кладахъ мы ихъ не найдемъ) для каждаго коллектора они все таки будутъ рѣдчайшими. Но такого скораго и смѣлаго вывода никто не сдѣлаетъ при опредѣленіи рѣдкости монетъ допетровскихъ.

Монеты періода удѣльнаго, велико княжескаго и царскаго, попали и попадаютъ въ коллекціи собирателей единственно изъ кладовъ. Преемственной передачи такихъ монетъ отъ нашихъ предковъ, изъ рода въ родъ, не существуетъ. Въ виду сего опредѣленіе рѣдкости такихъ монетъ находится въ пря-

Digitized by Google

мой зависимости отъ количества наличнаго матеріала. Монета, считающаяся сегодня весьма рѣдкою, можетъ завтра, при находкѣ новаго клада, сдѣлаться совершенно обыкновенною. Лучшимъ примѣромъ для сего служатъ русскія монеты съ именемъ Владиміра. До находки Нѣжинскаго клада, онѣ были такъ рѣдки, что наши ученые даже не рисковали признать ихъ за русскіе; а явился Нѣжинскій кладъ, и монеты сдѣлались доступными многимъ коллекторамъ, но тѣмъ не менѣе все таки еще считаются рѣдкими. Со времени находки Нѣжинскаго клада прошло слишкомъ 30 лѣтъ и съ тѣхъ поръ не слышно о новыхъ находкахъ такихъ монетъ. Пройдетъ быть можетъ еще много лѣтъ до находки новаго клада съ такими монетами, пока они сдѣлаются для нашего потомства монетами не рѣдкими. А если такого клада не будетъ? то монеты эти навсегда останутся рѣдкими, и напротивъ, современемъ онѣ сдѣлаются еще болѣе рѣдкими, такъ какъ на наличный извѣстный намъ теперь матеріалъ спросъ въ потомствѣ все болѣе и болѣе увеличится.

Такимъ-то взглядомъ и слѣдуетъ руководствоваться при опредѣленіи рѣдкости монетъ періода допетровскаго, т. е. считать рѣдкими только тѣ монеты, которыя среди количества всего извѣстнаго намъ наличнаго матеріала встрѣчаются рѣже. Наше опредѣленіе можетъ измѣниться въ весьма скоромъ будущемъ, при находкѣ новыхъ кладовъ, но измѣпиться именно только потому, что изслѣдователи данной эпохи, обративъ на нихъ особенное вниманіе, дадутъ этимъ возможность потомкамъ нашимъ отличить ихъ среди массы подобныхъ же

Digitized by Google

монетъ, и такимъ образомъ дадутъ имъ возможность въ свою очередь опредѣлить рѣдкость монетъ вновь найденныхъ.

Такъ напримѣръ, Рейхель, для опредѣленія рѣдкости монетъ принялъ 8 степеней. Графъ Чапскій 4 степени, а графъ И. И. Толстой при опредѣленіи рѣдкости Новгородокъ только уже 3 степени. Между тѣмъ многіе монеты, которые Рейхель, привелъ какъ R^6, теперь, слѣдуя его же опредѣленію рѣдкости, были бы обозначены только R^2. Тоже самое уже случилось и съ опредѣленіемъ рѣдкости по графу Чапскому; многіе монеты приведенные имъ рѣдкими, теперь довольно обыкновенные.

Для примѣра приведу еще слѣдующее: въ моей весьма большой коллекціи Петровскихъ серебряныхъ копѣекъ, имѣется одна, пока единственно извѣстный экземпляръ, съ годомъ **СО** (7102 или 1695 г.). Копѣйка эта мною найдена въ кладѣ, въ числѣ слишкомъ 3.000 копѣекъ, въ 1866 году. Всѣмъ лицамъ, интересовавшимся моею коллекціею, копѣйка эта извѣстна. Клады съ Петровскими серебрянными копѣйками весьма часты, но до сихъ поръ втораго экземпляра еще не открыто. Изъ этого слѣдуетъ, что копѣйка эта весьма рѣдкая и надо полагать, что если и найдутся еще дублетты, то вѣроятно въ весьма небольшомъ количествѣ.

Среди Петровскихъ копѣекъ моей коллекціи, безъ сомнѣнія найдется еще не мало экземпляровъ до сихъ поръ не описанныхъ, но экземпляры эти составляя исключенія среди безконечной разнообразности начеканенныхъ въ это царствованіе копѣйкахъ, тѣмъ не менѣе не представляютъ изъ себя

Digitized by Google

никакого научнаго интереса, а потому, если они быть можетъ по своимъ, иногда неуловимымъ отличительнымъ признакамъ и останутся единственными представителями въ своемъ родѣ, то въ виду безъинтересности ихъ, я никогда не причислю ихъ къ числу рѣдкихъ Петровскихъ копѣекъ.

Этимъ взглядомъ опредѣленія *рѣдкости*, я руководствовался и при опредѣленіи рѣдкости Новгородокъ. У графа Толстаго приведены номера лицевыхъ и оборотныхъ сторонъ монетъ считаемыхъ мною, съ другомъ моимъ Христіаномъ Христіановичемъ Гилемъ, за рѣдкіе. Но отысканія ихъ по номерамъ чрезвычайно затруднительно, а потому постараюсь облегчить любителю опредѣленіе рѣдкихъ Новгородокъ краткимъ общимъ описаніемъ ихъ.

По лицевой сторонѣ рѣдки: всѣ Новгородки со стоячимъ княземъ (у Толстого I типъ), у которыхъ въ полѣ что то въ родѣ буквъ, или сзади князя цвѣточки, затѣмъ рѣдки: съ сидячею фигурою, вмѣсто князя и экземпляры на которыхъ фигуры перемѣщены одна вмѣсто другой.

По оборотной сторонѣ рѣдки всѣ экземпляры, на которыхъ надпись раздѣлена горизонтальными бусами, или крестами изъ ряда бусъ. Также рѣдки экземпляры на которыхъ среди надписи встрѣчаются кресты.

Экземпляры съ искаженными надписями (Barbaren, какъ называетъ ихъ многоуважаемый Хр. Хр. Гиль) я не считаю рѣдкими.

Затѣмъ изъ среды экземпляровъ признанныхъ мною такимъ образомъ рѣдкими, можно выдѣлить нѣсколько экземпляровъ встрѣчающихся особенно

Digitized by Google

рѣдко, а именно: по лицевой сторонѣ: всѣ экземпляры съ сидящею фигурою и тѣ, на которыхъ фигуры перемѣщены. По оборотной сторонѣ: всѣ экземпляры у которыхъ надпись подраздѣлена тремя рядами горизонтальныхъ бусъ и тѣ, на которыхъ въ серединѣ надписи имѣется не большой крестъ изъ бусъ.

Такимъ образомъ, собственно я, дѣлю Новгородки по рѣдкости на 3 степени: на обыкновенныя, рѣдкія и весьма рѣдкія.

Къ числу рѣдкихъ Новгородскихъ монетъ слѣдуетъ еще отнести всѣ, такъ называемыя серебрянныя полушки и изъ пулъ: у которыхъ на лицевой сторонѣ сирена и львиная морда; а къ числу весьма рѣдкихъ: серебрянныя монеты съ надписью: „осподарь всея руси“.

Окончивъ критическій разборъ перваго выпуска Русской допетровской нумизматики о монетахъ Новгородскихъ, мы намѣренно пріостановились печатаніемъ его, въ ожиданіи втораго выпуска, о монетахъ Псковскихъ. Сдѣлали мы это потому, что полагали найти во второмъ выпускѣ какіе либо общіе выводы автора о монетахъ двухъ сѣверныхъ историческихъ русскихъ городовъ.

Но къ сожалѣнію графъ И. И. Толстой обѣщаетъ намъ сообщить свои возрѣнія о цѣнности монетъ этихъ двухъ городовъ впослѣдствіи, когда большая сумма фактовъ дозволитъ сдѣлать изъ нихъ несомнѣнные выводы *).

*) Вып. II стр. 48.

Digitized by Google

Въ виду сего намъ остается въ настоящее время лишь разобрать вкратцѣ, безъ общихъ выводовъ, второй выпускъ допетровской нумизматики.

Наружный видъ этой книги, каталогъ и рисунки, безукоризнены. Лучшаго желать трудно, даже невозможно. По нашему мнѣнію каталогъ втораго выпуска проще; быть можетъ это происходитъ и отъ большаго единообразія Псковскихъ монетъ, но во всякомъ случаѣ въ немъ легче найтись; каждая монета имѣетъ присвоенный ей особый текущій номеръ, а потому при цитатахъ какой-либо монеты не спутаешься и если встрѣтится какой либо варіантъ, неописанный авторомъ, то опредѣлишь прямо: имѣетъ сходство съ такимъ-то номеромъ, или варіантъ такого-то номера.

До сихъ поръ коллекторы обыкновенно дѣлили Псковскія монеты самобытія на три категоріи, или типа: 1, съ надписью на оборотной сторонѣ, 2, съ животнымъ направо и 3, съ животнымъ налѣво. Графъ Толстой доказалъ намъ, что слѣдуетъ дѣлить ихъ только на два главныхъ типа, такъ какъ монеты съ животнымъ налѣво, имѣя весьма часто одну и ту же лицевую сторону съ монетами гдѣ животное изображено на право, не составляютъ такимъ образомъ особой разновидности заслуживающей быть выдѣленною въ особый типъ. Мы съ нимъ въ этомъ вполнѣ согласны, хотя и полагаемъ, что если уже допустить, что животное изображено на лѣво по ошибкѣ рѣзчика штемпеля, то нѣтъ сомнѣнія, что и монеты съ Княземъ изображеннымъ на №№ 571 до 576, съ мечемъ въ лѣвой рукѣ, также принадлежатъ къ числу ошибочно вырѣзанныхъ рѣзчи-

Digitized by Google

комъ штемпелей, а потому они должны были бы быть помѣщены въ порядкѣ алфавита съ буквою **О**; впрочемъ тутъ одно странно: на оборотной сторонѣ этихъ монетъ животное изображено правильно, т. е. направо. Если уже рѣзчикъ не умѣлъ правильно копировать монету, то онъ, надо полагать, изобразилъ-бы лицевую и оборотную стороны на выворотъ.

Что касается до распредѣленія типовъ на разряды, по буквамъ, въ алфавитномъ порядкѣ, то если уже принимать въ 7 разрядѣ знакъ за готическую букву **Н**, то и на монетахъ 9 разряда знакъ слѣдуетъ принять не за три готическихъ **С**, а за готическую букву **М**. Рисунки на десяти таблицахъ, по нашему мнѣнію, исполнены лучше чѣмъ на таблицахъ монетъ Новгородскихъ. Они настолько типичны, что изслѣдователь безъ затрудненія можетъ опредѣлить даже экземпляры не полные, обрѣзанные. Покрайней мѣрѣ я опредѣлилъ 80 экземпляровъ своей коллекціи въ два присѣста и между ними оказалось только два варіанта по лицевой сторонѣ и два варіанта по оборотной сторонѣ, неприведенныхъ авторомъ. Полагаю, что легкость опредѣленія происходитъ отъ того, что авторъ при изображеніи Псковскихъ монетъ не гнался за мелочами, иногда неуловимыми варіантами, какъ это было имъ сдѣлано при изображеніи Новгородскихъ монетъ. Передать намъ всѣ существующіе варіанты Псковскихъ и Новгородскихъ монетъ вещь не мыслимая; были бы переданы главные типы и разновидности, составляющіе какъ-бы основанія русской нумизматики, а опредѣленіе мелкихъ частностей, уже дѣло каждаго собирателя въ отдѣльности.

Digitized by Google

Теперь перейдемъ къ разбору самой сути, къ введенію втораго выпуска, въ которомъ авторъ излагаетъ свои предположенія и выводы.

Слѣдуя за порядкомъ изложенія автора мы остановимся на опредѣленіи времени начала чеканки монеты въ Псковѣ.

До сихъ поръ нумизматы принимали время начала чеканки Псковичами серебряной монеты 1424 годъ. Опредѣленіе это было основано на сказаніяхъ второй Псковской лѣтописи: „того же лѣта (6932) Псковичи отложиша пѣнязми артугы торговати и приставиша мастеровъ денги ковати въ чистомъ сребрѣ“. Графъ Толстой на основаніи открытой имъ печати опредѣляетъ начало чеканки дошедшей до насъ Псковской серебрянной монеты 1425 годъ. Въ виду громадной путанницы въ событіяхъ описываемыхъ въ I и II Псковскихъ лѣтописяхъ трудно опредѣлить съ точностью годъ въ которомъ упоминается о чеканкѣ скребрянныхъ монетъ; но для насъ это все равно въ 1420 ли, или въ 1425 году, такъ какъ мы вообще того мнѣнія, что часть дошедшей до насъ серебрянной Псковской монеты чеканена раньше этого времени, а именно вотъ почему.

Не будемъ здѣсь повторять все тоже самое, что нами уже высказано по поводу начала чеканки монеты въ Новгородѣ, но остановимся лишь на двухъ неопровержимыхъ фактахъ. Самъ авторъ на стр. 9 своего введенія упоминаетъ: что въ 1362 году въ Дерптѣ *ногата* засчитывалась то въ 6, то въ 7 пфениговъ и что епископъ обѣщалъ устроить такъ, чтобъ Любскій пфенигъ считался въ $^1/_6$ долю *ногаты*-какъ по

Digitized by Google

всюду въ Ливоніи". Спрашивается, что же такое была эта ногата: опредѣленная монета, курсъ которой былъ неодинаковъ въ городахъ Ливоніи, или это была только мыслимая монетная цѣнность, на которую Псковичи вели свой счетъ? Полагаю, каждый согласится со мною, что если уже могъ произойти споръ о цѣнности *ногаты*, то это ни въ какомъ случаѣ не была какая-то неуловимая условная цѣнность, а была Псковская ходячая монета, равняющаяся по цѣнности своей 6 тогдашнимъ Любскимъ пфенигамъ и вѣсила на нашъ счетъ около 36 русскихъ долей, т. е. равнялась по вѣсу почти двумъ позднѣйшимъ Псковскимъ деньгамъ.

Графъ И. И. Толстой въ каталогѣ своихъ Псковскихъ монетъ подъ № 1 описываетъ монету неимѣющую ничего общаго съ другими монетами его каталога: монета эта прежде принадлежала мнѣ, найдена въ кладѣ съ Новгородскими монетами и уступлена графу Ивану Ивановичу Толстому въ виду того интереса, которая она въ немъ возбуждала по имѣющейся на ней надписи, въ то время, когда онъ былъ занятъ изслѣдованіемъ монетъ Великаго Княжества Кіевскаго. На этой монетѣ имѣется надпись: *а се деньга Псковская.* Первыя два слова: *а се* имѣютъ по нашему мнѣнію весьма важное значеніе. На всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ какъ Псковскихъ монетахъ, такъ и монетахъ другихъ княжествъ, эти два слова не встрѣчаются, за исключеніемъ монетъ Кіевскихъ, чеканенныхъ по изслѣдованію того-же гр. Толстого въ началѣ одинадцатаго столѣтія. На нихъ читается: Владиміръ на столѣ, *а се* его сребро. Откуда же мастеръ Псковскихъ монетъ

Digitized by Google

начала XV столѣтія могъ позаимствовать эти два слова: *а се* и помѣстить ихъ на монетахъ! Допустить, чтобы въ началѣ XV столѣтія находились еще въ обращеніи монеты Владиміра XI столѣтія, невозможно. Выдумать эти два слова самому, до такой степени тождественныхъ съ выраженіемъ находящимся на старѣйшихъ представителяхъ русскихъ монетъ, тоже невѣроятно. По этому мы полагаемъ одно изъ двухъ: или описанная подъ № 1 монета (вѣсъ 17³/₄ дол.) чеканена гораздо раньше XV столѣтія, или она копирована съ монетъ бывшихъ въ обращеніи между XI и XIV столѣтіями, но до насъ пока недошедшихъ.

Кстати замѣтимъ здѣсь, что у князя на лицевой сторонѣ монеты № 1, какъ и вообще на первыхъ шести номерахъ, у лѣваго плеча находится знакъ, принятый графомъ Толстымъ за букву ѿ „болѣе древняго очертанія“, какъ онъ выражается на стр. 29. По нашему мнѣнію знакъ этотъ не имѣетъ ничего общаго съ буквою ѿ, а скорѣе похожъ на грубое очертаніе храма, (св. Троицы) какъ оно встрѣчается на нѣкоторыхъ древнихъ образкахъ, а быть можетъ и упрощенная фигура, поставленная криво, (хоругва) встрѣчающаяся на Кіевскихъ монетахъ Владиміра, I типъ, также у лѣваго плеча Князя, или на оборотной сторонѣ монетъ Ярославлева сребра. Если сравнить между собою эти фигуры, то между ними, безъ всякой натяжки, можно найти весьма много сходства.

Что касается до надписи на оборотной сторонѣ, то выраженіе „деньга“, слѣдуетъ по нашему мнѣнію понимать, не какъ названіе цѣнности самой

Digitized by Google

монеты, а какъ названіе общее, „а се монета (деньга) Псковская“.

И въ Псковскихъ лѣтописяхъ, какъ и въ Новгородской, счетъ на деньги, въ смыслѣ наименованія самой монеты, встрѣчается гораздо позже даже времени начала чеканки серебрянной монеты по выводамъ графа Толстого, а именно: разъ въ 1434 году, а потомъ употребительнѣе, начиная съ 1464 г.

Необходимо также замѣтить, что всѣ первые шесть Псковскихъ монетъ, приведенныя у Графа Толстого гораздо меньшей величины, чѣмъ всѣ остальныя Псковскія монеты. Это также указываетъ на существенное между ними отличіе.

Графъ Толстой пріобрѣлъ весьма интересную Псковскую печать, дѣйствительно „единственную въ своемъ родѣ“, на лицевой сторонѣ которой изображена также человѣческая голова впрямь. А такъ какъ печать эта несомнѣнно 1424 года, то авторъ на стр. 15 и задаетъ себѣ вопросъ: скопированъ-ли типъ денегъ съ печати или наоборотъ, типъ печати съ денегъ.

Приведя затѣмъ цѣлую теорію Бельгійскаго нумизмата Піо, объ историческомъ значеніи печатей вообще, графъ Толстой приходитъ къ заключенію, что и находящаяся у него Псковская печать изготовлена ранѣе Псковскихъ монетъ и что типъ монетъ скопированъ именно съ этой печати. Вполнѣ убѣдившись доводами автора, мы къ крайнему нашему удивленію, черезъ нѣсколько страницъ (на 23), читаемъ что типъ Псковскихъ монетъ, по опредѣленію Рейхеля скопированъ съ монетъ Дерптскихъ епископовъ а именно съ артуга Дидриха III. Далѣе

61089В

Digitized by Google

авторъ уже нестѣсняясь историческимъ значеніемъ своей Псковской печати, признаетъ, что и лицевая сторона печати скопирована съ артуговъ Дерптскихъ епископовъ. Мы находимъ это сравненіе на столько неудачнымъ, что позволяемъ себѣ назвать его просто *абсурдомъ* въ русской нумизматикѣ и чтобы доказать неудачность этого сравненія, мы остановимся на немъ подробнѣе.

Въ чемъ же именно графъ Толстой находитъ сходство Псковскихъ монетъ съ Дерптскими, а вотъ въ чемъ: На лицевой сторонѣ Дерптскихъ монетъ сравниваемыхъ съ Псковскими, находится изображеніе епископа впрямь въ митрѣ, изъ подъ которой видны у обоихъ висковъ кудрявые волосы, или вѣрнѣе, неудачно изображенныя ленты отъ митры (vittae). Самъ авторъ называетъ этотъ типъ „довольно обыкновеннымъ въ средневѣковой нумизматикѣ", но тѣмъ не менѣе желаетъ насъ увѣрить, что Псковскіе мастера изобразивъ своего Князя на монетахъ, переобразили его изъ лица Дерптскаго епископа, въ доказательство чего онъ находитъ даже нѣкоторыя мелкія частности, а именно; что локоны волосъ (или ленты) выбивающіеся изъ подъ митры изображены на сравниваемомъ артугѣ двумя выгнутыми чертами съ обѣихъ сторонъ лица, а на концѣ внѣшней стороны помѣщены двѣ точки. Эти черты и точки точно скопированы на Псковской печати и на лицевой сторонѣ Псковскихъ денегъ, описанныхъ подъ №№ 1—5. При дальнѣйшемъ развитіи чеканки собственной монеты рисунокъ постепенно отдалялся отъ прототипа, такъ что изображеніе волосъ настолько утратило свой первоначальный видъ, что можетъ быть сочтено *за какія-то привѣски къ шапкѣ*.

Digitized by Google

Чтобы опровергнуть это мнѣніе, намъ необходимо послѣдовательно и подробно разобрать изображенія лицевыхъ сторонъ трехъ экземпляровъ: 1, Дерптскаго артуга Дидриха III (прототипа); 2, Псковской печати и 3, Псковской монеты, описанной и изображенной у автора подъ № 1.

1. На артугѣ Дидриха III мы видимъ изображеніе лица впрямь, (en face) у котораго на головѣ заостренная къ серединѣ двумя чертами шапка, (митра) украшенная въ серединѣ двумя кружками (вѣроятно драгоцѣнными каменьями); отъ этой шапки, а не изъ подъ нея, висятъ по обѣ стороны два завитка, несомнѣнно ленты отъ митры (vittae), а уже ни какъ не волосы *изъ подъ шапки*. На концѣ лентъ, съ лѣвой стороны, какъ будто-бы видны двѣ бусы.

2. На Псковской печати мы видимъ также лицо впрямь имѣющее на головѣ украшеніе, изъ трехъ листиковъ, между коими два полумѣсяца рогами къ верху и которое, если принять за шапку, то за весьма затѣйливую, неимѣющую ничего общаго какъ съ митрою Дерптскаго епископа, такъ и съ шапкою Псковскаго Князя на монетахъ. Изъ подъ этой шапки видны: съ правой стороны два завитка, оканчивающіеся тремя бусами, а съ лѣвой стороны одинъ завитокъ, надъ которымъ одна буса. Завитки эти видимо составляютъ принадлежность не шапки, а лица, и изображаютъ ясно волосы съ ушами. Какъ число бусъ, такъ и расположеніе ихъ около завитковъ, не имѣютъ ничего общаго съ числомъ и расположеніемъ бусъ у лентъ митры Дерптскаго епископа.

3. На Псковской монетѣ описанной и изображенной у автора подъ № 1, видимъ также изобра-

Digitized by Google

женіе лица впрямь, на головѣ котораго шапка состоящая изъ двухъ половинъ, а каждая половина изъ двухъ душекъ, шапка эта настолько характерна, что съ нѣкоторыми дополненіями въ частности, она тѣмъ не менѣе неизмѣнная въ общемъ, повторяется на всѣхъ Псковскихъ монетахъ. Изъ подъ этой шапки, на описываемой монетѣ, выбивается съ лѣвой стороны одинъ завитокъ съ бусою въ серединѣ завитка и съ тремя бусами подъ завиткомъ. Завитокъ этотъ неимѣетъ также ничего общаго съ шапкою, какъ на описываемой монетѣ, такъ и на всѣхъ другихъ Псковскихъ монетахъ этого типа. Завитки эти составляютъ ни принадлежность шапки, а принадлежность лица и изображаютъ изъ себя кудри распущенные надъ ушами. Ухо на экземплярѣ № 1 изображено кружкомъ въ серединѣ завитка, а затѣмъ на большинствѣ остальныхъ Псковскихъ монетъ продолговатою полоскою. Плечи или часть груди, на всѣхъ трехъ разбираемыхъ экземплярахъ изображены совершенно различно и неимѣютъ между собою ничего общаго. На артугѣ Дерптскаго епископа мы видимъ подъ лицомъ воротникъ его мантіи застегнутою запанкою. Подъ головою на Псковской печати мы видимъ часть шеи или воротника изображеннаго десятью отвѣсными черточками. На всѣхъ Псковскихъ монетахъ мы видимъ подъ головою Князя очертаніе плечъ съ двумя руками положенными на грудь и съ мечемъ въ одной рукѣ.

Спрашивается, что же между сравниваемыми тремя экземплярами общаго; остается развѣ только изображеніе лица впрямь. Если опять сравнить очер-

Digitized by Google

таніе этихъ трехъ лицъ, то точно также трудно будетъ сказать, которое изъ нихъ служило оргиналомъ для другаго.

Въ музеѣ Кіевскаго университета св. Владиміра сохраняются двѣ золотыя серьги, найденныя въ числѣ прочихъ вещей на Старомъ Кіевѣ. На серьгахъ этихъ *) на одной сторонѣ изображенъ изъ эмали бюстъ впрямъ молодого юноши въ шапкѣ, изъ подъ которой спускаются на плечи волосы. На другой сторонѣ серегъ изображены изъ такой же эмали птицы, весьма схожія съ орнаментами встрѣчающимися между древними фресками Софійскаго собора въ Кіевѣ. Серьги эти знатоками старины признаны за работу славянско-византійскую временъ XI или XII вѣка.

Изображеніе юноши (вѣроятно Князя) на этихъ серьгахъ имѣютъ поразительное сходство съ изображеніями лица на монетахъ Псковскихъ, а въ особенности, по формѣ шапки, съ лицемъ на монетахъ Дерптскихъ епископовъ.

Это сходство, а также надпись на монетахъ № 1 *а се деньга,* наводитъ насъ на мысль, что прототипъ лицевой стороны Псковскихъ денегъ слѣдуетъ искать, не между иностранными монетами, а между издѣліями русской старины.

Псковичи, пожелавъ на лицевой сторонѣ своихъ монетъ изобразить впрямь лицо своего Князя, поручили денежнику выполнить эту работу. Денежникъ очертилъ лицо впрямь, какъ это было принято вообще въ періодъ того времени, взявъ за оргиналъ какую либо вещь въ родѣ описанной серьги, т. е.

*) См. рисунокъ.

Digitized by Google

изображеніе чисто русскаго происхожденія, надѣлъ этому лицу его княжескую шапку и далъ ему въ руку Довмонтовъ мечъ. Искать въ этомъ изображеніи, а тѣмъ болѣе пытаться доказывать, какое либо сходство съ изображеніемъ Дерптскихъ монетъ, только потому, что Рейхель нашелъ въ этомъ изображеніи (eine Nachahmung) подражаніе, намъ кажется по меньшей мѣрѣ неосновательнымъ. Рейхелю это простительно; въ его нѣмецкій вѣкъ не хотѣли признавать за русскими ничего самобытнаго.

Мы выше упомянули о характерности шапки на головѣ у князя Псковскаго. Въ ризницѣ Софійскаго собора въ Новгородѣ хранилась круглая шапка, по преданію Княжеская *). Я видѣлъ эту шапку въ началѣ шестидесятыхъ годовъ и могу подтвердить, что она по формѣ своей имѣла поразительное сходство съ шапкою у Князя на Псковскихъ монетахъ.

Въ заключеніе скажемъ еще нѣсколько словъ о Псковской печати, пріобрѣтенной графомъ Толстымъ. Я видѣлъ эту печать: она несомнѣнно подлинная. По какому поводу и когда именно она изготовлена, гласитъ самая надпись на ней. Но спрашивается, для какой цѣли и для кого именно она была изготовлена? Какъ видно даже изъ рисунка, печать эта принадлежитъ къ числу привѣсныхъ, слѣдовательно она была приложена къ какому либо важному документу: къ договору или къ акту. Такъ какъ она изготовлена въ память сооруженія „Кромскихъ персей“, положимъ довольно знаменательнаго

*) Смотри „Путеводитель по Новгороду, составленный Архимандритомъ Макаріемъ; С.-Петербургъ 1862 г., стр. 13.

Digitized by Google

факта, въ исторической жизни Псковичей, но тѣмъ не менѣе весьма спеціальнаго, а потому намъ кажется, что печать эта немогла служить печатью для общей надобности, т. е. для прикладыванія ея къ договорамъ или актамъ вообще, а вѣроятно она изготовлена на извѣстный только предметъ; но на какой именно? просто и не придумаешь. Но если разъ уже допустить, что она изготовлена съ опредѣленною спеціальною цѣлью, то она вѣроятно и останется единственною представительницею въ своемъ родѣ, какъ единственный оттиснутый экземпляръ. Нельзя же допустить, чтобы Псковичи въ 1424 году, не имѣя, по выводамъ автора, еще собственной монеты, уже чеканили медали въ память историческихъ событій. Если-же печать эта единично изготовленный экземпляръ, то не можетъ быть и рѣчи о томъ, что-бы она послужила оргиналомъ для Псковскихъ монетъ.

Печать эта изготовлена по поводу сооруженія стѣнъ во кругъ Крома; стѣны эти сооружались для охраны себя отъ набѣга враговъ; первые враги Псковичей были Ливонскіе рыцаря, а изъ нихъ въ особенности Дерптскія. Не ужели-же Псковичи желая изобразить на лицевой сторонѣ печати, изготовленной въ память охраны себя отъ Дерптскихъ „поганыхъ“ враговъ, изображеніе своего Князя скопировали съ артуговъ ненавистнаго имъ Дерптскаго епископа?

Оканчивая этими строками критическій разборъ первыхъ двухъ выпусковъ Русской Допетровской

Digitized by Google

нумизматики, мы остаемся при двухъ главныхъ убѣжденіяхъ:

1. *Что Великій Новгородъ и младшій братъ его Псковъ несомнѣнно имѣли и чеканили монету раньше начала XV столѣтія.*

2. *Что оригиналами для монетъ этихъ двухъ древнихъ русскихъ сѣверныхъ городовъ, пока дошедшихъ до насъ, ни въ какомъ случаѣ не служили иностранные образцы, а они изготовлены совершенно самостоятельно, на основаніи бытовыхъ историческихъ преданій и являются представителями издѣлій чисто русскаго происхожденія.*

Digitized by Google

Вкрались слѣдующія опечатки:

На стран.	Строка сверху.	Напечатано.	Слѣдуетъ:
6	24	ставишъ	ставитъ
11	3	недоказываетъ	не доказываетъ
»	12	нечеканили	не чеканили
»	19	обозначится	обозначиться
12	29	цѣнившія	цѣнившіе
13	6	могли	могли,
14	9	Новгородцы	Новгородцы,
15	1	слово	слово,
38	21	ризмѣрахъ	размѣрахъ
42	4	благопріятстволи	благопріятствовали
»	»	неторопились	не торопились
51	11	выборныя	выборные
57	17	несешъ	несешь
»	19	отнесееный	отнесенный
64	27	неимѣетъ	не имѣетъ
72	12	рѣдкіе	рѣдкія
76	19	скребрянныхъ	серебрянныхъ
81	20	неимѣющую	не имѣющую
82	21	неимѣютъ	не имѣютъ
85	3	немогла	не могла
»	20	во кругъ	вокругъ

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google